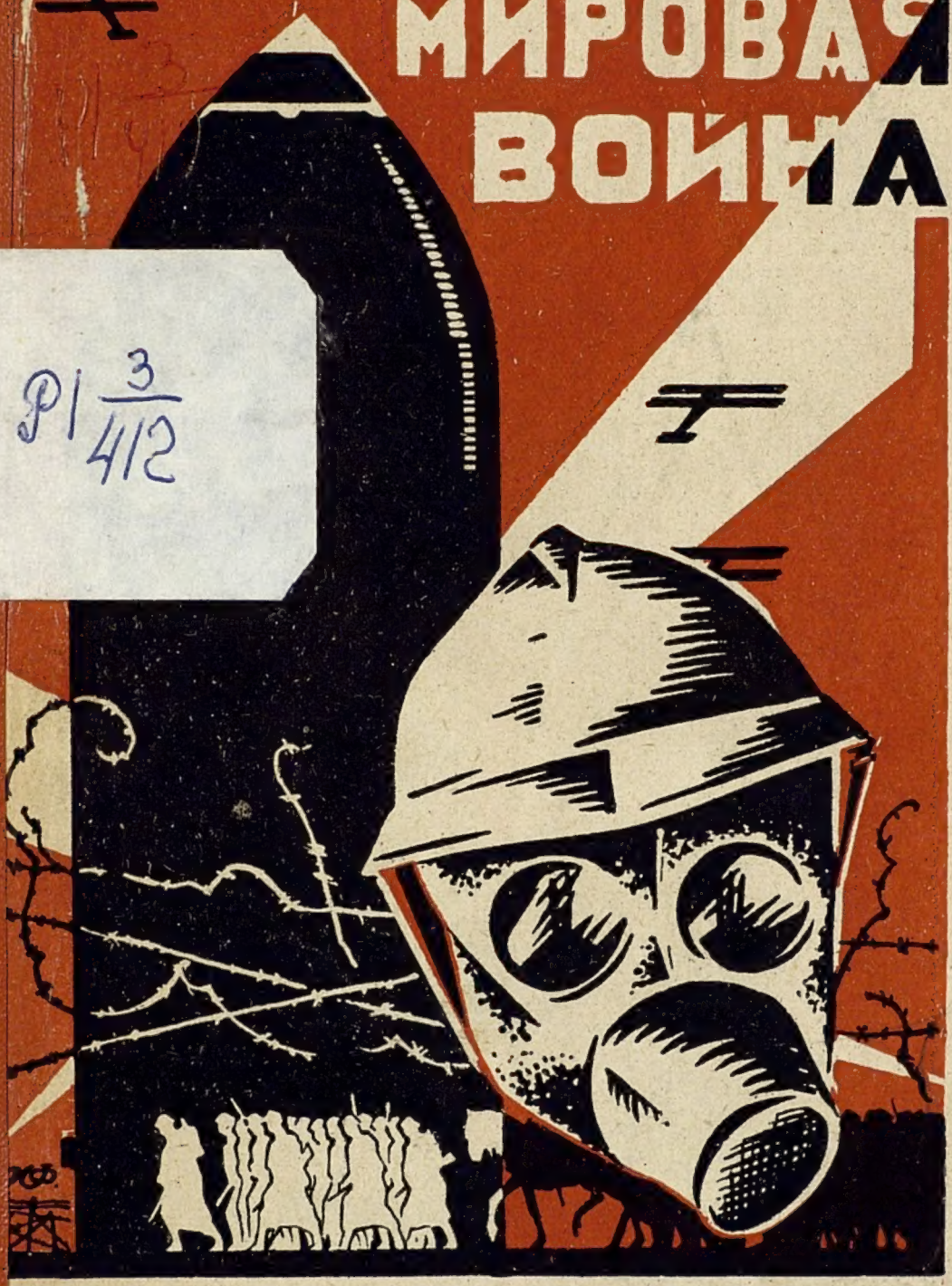
Р1 3/412

И. ФЛЕРОВСКИЙ

МИРОВАЯ ВОЙНА



Р1 3/412

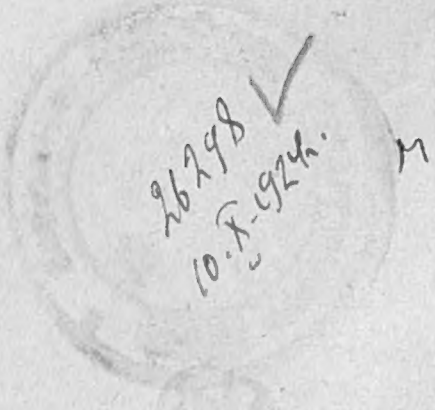
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Р1В
1412

И. ФЛЕРОВСКИЙ

МИРОВАЯ ВОЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА



Гиз. № 7891. Главлит. № 23817. Москва. Напеч. 50.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

I

Помни день первого августа 1914 года!

1-го августа 1914 года на рубежах европейских государств раздались первые выстрелы, положившие начало неслыханной и невиданной в истории народов мировой войне. В течение четырех слишком лет, 4 года 3 месяца 26 дней, миллионы людей занимались усиленным истреблением друг друга. Весь мир, за малыми исключениями, принимал участие в этой войне.

На полях Европы, в окопах, под артиллерийским огнем, отравляемые ядовитыми газами, исколотые штыками, гибли не только французские, русские, немецкие и вообще европейские крестьяне и рабочие (а позднее и американские), но и негры Африки, арабы, индусы и другие народы и племена, которые уж ни в какой мере не могли понять, зачем их вывели на бойню и гибель.

Воевавшие государства мобилизовали и вывели на поля битв около 70 миллионов солдат. Эта цифра равняется почти половине всего населения России и всему населению прежней, довоенной, Германии.

По числу убитых и искалеченных эта война может быть названа воистину величайшей бой-

ней народов. Нижеследующие цифры показывают, какой урон каждое из воевавших государств понесло убитыми и инвалидами:

Союзники против Германии:	Убитые и умершие от ран, от газов, от болезней, в плену и пр.	Ранен., искалечен., больные, оставшиеся в живых инвалидами.
Россия	1.800.000	3.500.000
Франция	1.400.000	2.800.000
Англия	800.000	2.000.000
Италия	500.000	1.000.000
Румыния	100.000	250.000
Сербия	50.000	150.000
Соед. Шт. С. Америки . . .	100.000	250.000
Бельгия	100.000	200.000
Центральные державы:		
Германия	1.900.000	4.300.000
Австро-Венгрия	1.500.000	2.300.000
Турция	500.000	1.000.000
Болгария	100.000	200.000
Всего.	8.850.000	17.950.000

Почти 9 миллионов трупов, 18 миллионов калек—вот кровавая жатва мировой войны. 9 миллионов трупов, это—четверть всего населения Франции, это—средней руки государство, больше чем Румыния, в которой до войны было лишь $7^1/_2$ миллионов, или Болгарии (6 миллионов). По сравнению с этими жертвами все предыдущие войны покажутся ничтожными, пустяковыми. Так, Крымская война, об ужасах которой рассказывали наши деды (1855—56 г.г.) стоила 600 тысяч жизней, а война пруссаков с французами (в 1870 г.) около полутораста тысяч убитыми. Больше того, все войны, бывшие за прошлое столетие, в том

числе и наполеоновские, в общем числе оставили убитых четыре с половиной миллиона, т.-е. вдвое меньше, чем последняя война за четыре года.

Так сумело шагнуть человечество в самоистреблении.

Но убитыми и искалеченными еще не исчерпываются человеческие потери, унесенные войной. Во время войн всегда с неизбежностью повышается смертность населения, и понижается рождаемость. И вот, если подсчитать к убитым убыль населения от повышенной во время войны смертности и от пониженной рождаемости, то получится огромная цыфра в 35 с половиной миллионов людей—население всей Италии. А вместе с калеками человеческие потери мировой войны выражаются ужасной цифрой—53 миллиона!

При этом надо сказать, что ни одно государство точных цифр убитых и раненых во время войны не приводило—обычно эти цифры уменьшались. Но и уменьшенные они остаются воистину страшными: они составляют не меньше десятой доли всего населения всех государств, принимавших участие в войне.

Но ведь это еще далеко неполные результаты мировой войны. Жертвы войны измеряются не только людскими потерями. В военные годы вся жизнь людей, вся их работа шла прежде всего на войну. К военным нуждам были приспособлены фабрики и заводы. Для войны, в первый черед, истощенная, обезображенная взрывами снарядов земля рожала хлеб. Народные богатства, веками скопленные, разрушались

без жалости там, где шли бои. Народное хозяйство разорялось во всем мире.

Трудно, почти невозможно, с точностью подсчитать все издержки войны, убытки, понесенные в ней человечеством. Нижеследующая таблица об этих издержках может дать некоторое представление, но оговоримся заранее—цифры этой таблицы несомненно меньше действительных убытков мировой войны.

Сколько стоила денег мировая война.

Союзники против Германии:	В золотых рублях.
Россия	45.200.000.000
Франция	50.600.000.000
Англия	97.000.000.000
Италия	24.600.000.000
Бельгия	2.000.000.000
Румыния	3.200.000.000
Сербия	800.000.000
Соедин. Штаты Сев. Америки	64.100.000.000
Остальные страны Антанты	1.600.000.000
Центральные державы:	
Германия	80.300.000.000
Австро-Венгрия	40.200.000.000
Турция	2.800.000.000
Болгария	1.000.000.000
Всего.	413 миллиард. 400 милл. зол. руб.

Один английский ученый (Эдгар Крелсмонд) считает, что только один первый год войны обошелся народам в 91 миллиард золотых рублей. А каждый последующий год обходился в полтора раза, даже вдвое дороже, чем предыдущий. На основании подсчетов этого ученого стоимость войны за 4 года и 4 месяца опреде-

ляется не ниже 800 миллиардов золотых рублей. Чтобы иметь хоть слабое представление о значении этой цифры, скажем, что стоимость всех войн за прошлое (XIX) столетие исчисляется в 41 миллиард рублей, т.-е. человечество за сто лет истратило на войны почти в двадцать раз меньше, чем за одну четырехлетнюю бойню. Последнее пятилетие перед войной ежегодный государственный доход России исчислялся в сумме около трех миллиардов рублей. Значит, расходы на мировую войну, понесенные человечеством, стоили доходов России больше чем за 250 лет.

Мудрено ли после этого, что из войны весь мир вышел обнищавшим, если не считать капиталистов, сумевших на кровавых жертвах войны и разорении мира составить себе миллиардные состояния.

Подводя итоги мировой войны—жатву смерти и расходы, с нею связанные, — каждый трудящийся—крестьянин и рабочий—должен сказать себе:

— Надо крепко помнить день первого августа 1914 года, ибо это—день величайшей скорби трудящихся. В этот проклятый день разрядились винтовки, под грохотом орудийной пальбы застонала земля, в этот день пали первые трупы.

Надо помнить и надо знать, как и почему в этот день грудь против груди на рубежах своих стран встали народы? Чья злая воля заставила их рыть окопы, стрелять, колоть друг друга, отравлять газами?

Надо помнить и знать, чтобы вновь такой же проклятый день не застал трудящихся врасплох.

Один из заветов тов. Ленина говорит:
«Надо объяснить людям действительную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается...
«Надо объяснить людям со всей точностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему это не могло обстоять иначе...»

Зачем нужны нам эти объяснения еще и еще раз, а в день десятилетия мировой войны в особенности?

Да затем, во-первых, чтобы каждый рабочий и крестьянин знал, что он не избавлен от повторения ужасов войны, еще более горших, чем в войну минувшую, чтобы каждый крестьянин и рабочий постиг тайну рождения войны, т.-е. ее настоящие корни,—а, во-вторых, понял бы, ясно себе усвоил, как эти корни вырвать, чтобы раз и навсегда избавиться от всяких войн.

Это лучше всего можно сделать на примере минувшей бойни народов, нанесшей трудящимся незабываемые и трудно залечиваемые раны.

II

Как началась война.

Когда костер готов, обложен кругом соломой, а солома полита керосином, достаточно прикоснуться к нему зажженной спичкой, чтобы он вспыхнул ярким пламенем. Такой спичкой, от которой загорелся пожар мировой войны, явился выстрел в Сараеве [1]), 28 июня 1914 года.

---

[1]) Город в Боснии, Сербской земле, захваченной в 1908 г. Австро-Венгрией.

Сербский юноша-революционер Гаврило Принцип, убил наследника австрийского престола Фердинанда Габсбурга. Юноша - революционер хотел избавить свой народ, угнетенных австрийскими помещиками крестьян-босняков, от злейшего врага и вдохнуть в своих братьев жажду и решимость борьбы за освобождение от австрийского гнета. Он меньше всего ожидал, что его выстрел послужит поводом к мировой войне. А вышло именно так: ничтожный сам по себе случай—убийство австрийского престолонаследника—повлек за собой событие, приведшее сначала к европейской, а затем и к всемирной войне.

И это случилось потому, что костер для мировой войны уже был совсем приготовлен. Нужна была лишь спичка. Случайно такой спичкой оказался выстрел в Сараеве.

Один из вождей германских помещиков (Науль Рорбах) по поводу убийства австрийского престолонаследника в начале войны писал так:

«Мы должны считать за счастье, что благодаря лишению жизни Фердинанда Габсбурга, великий заговор против Германии нашел себе исход раньше предположенного срока. Но два года спустя война была бы для нас гораздо тяжелее, жертв было бы больше, самый исход войны стал бы сомнителен.»

Эти строки были написаны, когда германская военщина, во главе с императором Вильгельмом II, рассчитывала выйти из войны с победой. Но сейчас не это важно. Нам важно отметить свидетельство вождя германских помещиков о том, что выстрел в Сараеве подвернулся как нельзя

более кстати. Подготовка к войне была уже в разгаре. К ней, как мы увидим ниже, готовилась и Германия и враждебные ей государства. Германскому правительству, помещикам и капиталистам было выгоднее начать войну раньше, пока противная сторона казалась еще не достаточно подготовленной. Нужен был предлог, «счастливый» случай. Таким случаем и явилось убийство австрийского престолонаследника.

Воспользовавшись «счастливым» случаем, австрийское правительство послало сербскому правительству знаменитый ультиматум, иначе говоря—такие требования, которые надо исполнять беспрекословно, без обсуждений и изменений, в короткий срок. В случае же отказа в исполнении следует разрыв и чаще всего война.

Австрийское правительство позаботилось выставить требования, заведомо неприемлемые, не исполнимые для Сербии. Оно не ограничилось одним желанием наказать убийц предстолонаследника, а пошло значительно дальше. Оно требовало от Сербии: 1) уничтожения свободы печати и союзов в делах, имеющих отношение к Австро-Венгрии, 2) австрийского надзора за школьным делом в Сербии, 3) наблюдения, контроля, над назначением сербских чиновников и офицеров и т. д. Короче говоря, австрийское правительство захотело не больше и не меньше, как превратить Сербию из самостоятельного государства в подначальную себе землю.

Конечно австрийское правительство отнюдь не думало и не рассчитывало, что Сербия примет его ультиматум. Наоборот, ультиматум так и был составлен, чтобы его нельзя было

принять. Австрийское правительство хотело не наказания убийц престолонаследника,—полилуйте, ведь это же счастливый случай, оно хотело им воспользоваться для начала войны,—оно хотело войны. Документами позднее было подтверждено, да и тогда было это ясно, что за спиной Австро-Венгрии, в ее выступлении против Сербии стояло Германское правительство. По его указке и был составлен так ультиматум, чтобы его нельзя было принять, чтобы он послужил началом войны.

Война Австро-Венгрии, в которой было население в 50 миллионов, с Сербией с населением в 6 миллионов, была бы делом весьма легким. Австрийская армия без труда могла занять сербские города и залить кровью сербские деревни. Понимало это отлично и сербское правительство. Понимало и тем не менее решительно отклонило вызывающий австрийский ультиматум. За спиной маленькой Сербии стояли могущественные силы: царская Россия и союзная с нею Франция, а затем и Англия. Эти силы видели и знали, конечно, и Австро-Венгрия и Германия, но расчитывая на то, что союзники к войне недостаточно готовы, Австрия и Германия выступили со всей решимостью эту войну начать немедленно. Австро-германский расчет не оправдался. Царская Россия, Французская республика биржевиков и банкирская Англия сами не прочь были броситься в военную схватку и поэтому ничего не сделали для того, чтобы уладить дело с австрийским ультиматумом.

Вслед за нападением Австро-Венгрии на столицу Сербии Белград, Россия объявила всеобщую

мобилизацию. Объявление мобилизации было равносильно объявлению войны Австрии и Германии. На российскую мобилизацию германское правительство ответило объявлением войны России. В тот же день французское правительство в свою очередь объявило всеобщую мобилизацию. Германия объявила войну Франции (3 августа) и двинула свои войска через Бельгию. На следующий день (4 августа) Англия объявила войну Германии.

Так, с невероятной быстротой развертывался клубок войны, запутывая в нее все новые и новые страны, вплоть до того момента, пока кровавый пожар не овладел почти всем миром.

III

Причины пожара мировой войны.

Были не только простаки, но и ученые люди, которые думали, что войны между «великими державами» не будет. Они рассуждали так: хозяйственные интересы всех государств столь тесно связаны и переплетены между собой, что одно государство без торговли, без сношений с другим и дня не проживет. Война в таких условиях невозможна, а если по какому-нибудь безумию и зачнется, то вызовет настолько нестерпимые страдания народов, что быстро прекратится. Мы помним, как уже в начале войны эти буржуазные ученые утверждали, что война продлится «не больше трех месяцев».

Эти же буржуазные ученые устраивали особые общества «борьбы за вечный мир», причем в

«охранителях» мира у них оказывались и бывший российский император Николай Романов, и бывший германский император Вильгельм II. Раз в год «охранителям» мира выдавалась особая, нобелевская, премия, состоявшая из крупной суммы денег, отпускаемой «поборникам» мира компанией капиталистов. Во всех этих рассуждениях ученых и в их шумихе за «вечный мир» была, конечно и доля искренней глупости, но больше было настоящего обмана. Этот обман был нужен затем, чтобы война застала врасплох широкие массы крестьян и рабочих, чтобы легче было вовлечь эти массы в братоубийственную бойню, не давши им возможности опомниться и разобраться в причинах войны.

Были и среди социалистов такие простаки, которые рассуждали, что войны не будет. Они указывали на то, что во всех государствах существует всеобщая воинская повинность, что сынки буржуазии также служат в армиях и поэтому дескать буржуазия войны не захочет. Эти социалисты с начала войны оказались настоящими предателями трудящихся и наемниками буржуазии. На них мы остановимся в следующей главе.

На самом деле, под шум «поборников мира», всеми государствами велась неослабная и деятельная подготовка к войне.

Почему, какие причины заставляли все государства энергично вооружаться на суше и на море, а потом и в воздухе?

Прежде всего, одна основная причина: все государства были, остаются и сейчас,—за исключением Союза Советских Социалистических Республик — капиталистическими государ-

ствами, т.-е. отражают и оберегают интересы капиталистов и помещиков. А в чем заключаются интересы капиталистов?

В барышах, в прибылях. Для получения больших барышей капиталисты каждого государства стремятся захватить как можно больше новых земель и удержать захваченные. Здесь они находят, с одной стороны, рабочую силу, которую можно голодом и прямым принуждением, (как например, негров в Африке) заставить на них работать, с другой стороны, здесь они находят рынки для более выгоднаго сбыта своих товаров. Вот почему капиталисты всех стран стремятся к новым и новым захватам земель. Пока был запас таких земель еще нерасхватанных, захваты происходили сравнительно «мирным» путем. В дебри Африки или Азии снаряжались исследователи, ученые люди, которые узнавали жизнь и богатства неизведанных стран. За ними шли попы с крестом и проповедью, а вместе с ними торговцы, в случае надобности, подкрепляемые отрядами войск. Местных, туземных жителей-дикарей крестили, грабили, подчиняли, заставляли их на себя работать.

Так образовывались колонии, т.-е. страны, захваченные капиталистическим государством, входящие в его состав, но не пользующиеся равноправием с основной частью государства. Напротив, основная часть государства, метрополия, старается держать колонии в подчинении, под особым контролем и хозяйственным гнетом. Колониям не только не дают политического равноправия, но ставят препятствия хозяйственному развитию. Это делается затем, чтобы на-

селение колоний было легче грабить, заставлять его работать на себя и сбывать ему товары своих фабрик.

Такой, например, колонией у Англии является богатейшая Индия. Она управляется английскими чиновниками. Все ее природные богатства, добываемые местными жителями, индусами, направляются в Англию. Все офицеры в войсках—англичане, важнейшие войска—артиллерия—заполнены англичанами и т. д. Индусы не раз пытались свергнуть английский гнет и всегда их восстания беспощадно подавлялись.

Такими колониями являются африканские владения европейских государств.

Задолго перед началом мировой войны весь мир уже был поделен между капиталистическими странами. Дальнейшее стремление к захвату новых земель могло проделываться лишь путем передела добровольного или насильственного, т.-е. войны.

Новых земель не стало, а между тем жажда капиталистов к захватам сильно выросла. Выросли капиталы, отдельные капиталисты слились в мощные объединения—тресты, выросли банки, собравшие себе огромные денежные средства и подчинившие своей воле промышленность. Возросшим капиталам негде развернуться, не хватает места приложить свои силы. Вот почему, с одной стороны, каждое капиталистическое государство стремится отгородиться от своего соседа, не пустить его на свой рынок, а с другой—подставить ему ножку, вырвать из его рта какой-нибудь лакомый кусок из колониальных земель.

Это время, переживаемое капиталистическими государствами, носит название империализма.

Раздел земель между важнейшими государствами закончен, но остается стремление к их переделу: в этом заключается основная причина империалистических войн. Цель такой войны—захватить землю другого государства, подчинить влиянию своего капитала другой народ, получить его на долгое разграбление. Поэтому на простой всем понятный язык войну империалистическую мы переводим словом—грабительскую. Так и будем ее называть.

Посмотрим, где и какие интересы капиталистических государств сталкивались накануне мировой войны. Возьмем Африку, земли которой являются сплошь колониями европейских государств. В начале текущего столетия в Африке существовали еще несколько самостоятельных или полунезависимых государств: бурские республики—Оранжевая и Трансвааль, затем Марокко, Абиссиния, Триполитания и республика Либерия. В 1899 году Англия напала на бурские республики. Знаменитая бурская война продолжалась целых три года. Буры упорно защищали с ои земли и самостоятельность, но в конце концов были сломлены, и республики их превратились в английские колонии. Таким разбойным империалистическим путем войны Англия, что называется, округлила свои колониальные владения в Африке: они растянулись во всю длину черной земли (так называют Африку по цвету ее местного населения—негров) от севера до юга.

Английские захваты подтолкнули к таким же действиям и другие государства: Францию, Италию и Германию. Франция стала подбираться

к Марокко, а Италия, в войне с Турцией в 1911 году, захватила себе Триполитанию. Менее выгодно обстояли здесь дела Германии. Германия позднее других европейских государств вступила на путь захвата колоний и опоздала. В Африке по размерам своих владений она оказалась лишь на четвертом месте, после маленькой Бельгии. Эта последняя, которую в начале войны изображали «мученицей» и «страдалицей», на деле имела в своем подчинении в Африке 25 миллионов негров и грабила и угнетала их не менее беспощадно, чем любая «великая держава».

Германские капиталисты, опоздавшие к первым грабительским разделам Африки, хотели передела, они хотели, как и Англия, слить воедино разрозненные куски своих африканских владений. Но это можно было сделать лишь за счет колоний других государств: Франции, Бельгии и Португалии. Германия стремилась отхватить у Бельгии ее колонию Конго. Но того же хотела и Англия. Таким образом в Африке столкнулись грабительские аппетиты Франции и Германии, Бельгии и Германии, Англии и Германии. В Африке завязался первый узел грядущей мировой грабительской войны.

Второй узел войны, еще более опасный, завязался на ближнем Востоке, вокруг турецких владений в Малой Азии.

В этом узле большую роль сыграли и грабительские интересы царской России.

По внешности казалось, что между Германией Вильгельма и царской Россией Романова существует самая тесная дружба. Казалось, что Рос-

сия только вынуждена была вступиться в войну за обиженную Сербию: на самом деле все это чистейший вздор и пустяки. Царская помещичье-буржуазная Россия была таким же грабительским, империалистическим государством, как и любая европейская держава. Царская Россия давно уже хотела уничтожения и раздела Турции. Еще в 1912 году вождь буржуазной, кадетской партии, профессор Милюков заявил в Государственной Думе о необходимости для России овладеть Турецкой Арменией: «Местности эти,— говорил Милюков,—важны и как рынок для сбыта наших товаров, и в военном отношении». Через захват Армении царская Россия рассчитывала добраться до овладения столицей Турции— Константинополем и Дарданеллами, проливом, который соединяет Черное Море с Средиземным.

В 1915 году тот же Милюков писал о необходимости полного раздела Турции. Он продолжал эту политику и после Февральской революции 1917 года, когда стал членом временного правительства и министром иностранных дел, пока ленинградские рабочие и солдаты не сбросили его с этого поста.

Германские империалисты отлично понимали российскую политику в турецком вопросе и считали из-за Турции русско-германскую войну совершенно неизбежной, несмотря на дружеские и родственные отношения между Вильгельмом II и Николаем II.

С кем царская Россия собиралась поделить Турцию? С Англией и Францией. Еще в 1908 году английским лордом Керзоном, о котором в прошлом году узнали все российские крестьяне и

рабочие; был выработан план раздела Турции. Этим планом раздела интересы Германии обходились совершенно: Германия оставлялась не при чем и, конечно, была решительной противницей турецкого раздела. В отношении Турции у германских империалистов были совсем другие планы. Еще в 1898 году император Вильгельм II устроил путешествие по азиатским владениям Турции и в городе Дамаске говорил такую речь:

«Пусть знает султан и пусть знают все 300 миллионов магометан, которые рассеяны по лицу земли, что германский император всегда и неизменно пребудет их другом».

Откуда у христианнейшего императора вдруг появилась такая горячая любовь к магометанским народам?

Причины этой любви один из вождей германского империализма определил следующим образом:

«Турция,— писал он,— дает Германии новое поле деятельности и обогащения, она открывает нам источники сырья и пищевых продуктов, в которых Германия нуждается, она дает нам место сбыта для наших товаров»

Другими словами, германские империалисты хотели иметь для себя Турцию, как колонию. Дальше, в Турции они надеялись иметь союзника, который на помощь Германии в войне даст своих солдат. И, наконец, через Турцию германский капитал рассчитывал пробиться в Персию и Египет, а через Персидский залив и Индийский океан в Индию, где безраздельно господствовал и собирал жирные барыши на крови и угнетении индусов английский капитал.

Таким образом, в Турции резко сталкивались не только интересы России и Германии, но и интересы Германии с английскими.

От Турецкого правительства Германия получила концессию, разрешение на постройку великого железнодорожного пути из Берлина в Константинополь, Багдад и дальше к Персидскому заливу. Эта Багдадская дорога должна была крепко накрепко привязать Турцию к Германии и приблизить Германию к Английской Индии. Она была, если можно так выразиться, острым ножом в самое больное и драгоценное место английских владений—богатейшую индийскую колонию. Вначале Англия думала, что Германии не удастся построить огромный железнодорожный путь Берлин—Багдад. Англия ошиблась, германский капитал с каждым годом рос и богател и один мог уже справиться с постройкой этой дороги. С этого момента можно было смело ждать неизбежного военного столкновения английских грабителей с германскими. Англия сближается с Россией и Францией, начиная деятельно готовиться к войне с Германией. Англо-русский договор против Германии был заключен в 1907 г. в Ревеле.

Но не один турецкий вопрос и Багдадская дорога вели к неизбежному англо-германскому столкновению, и не только передел африканских колоний сталкивал лбами империалистических хищников. Еще одна серьезная причина вела неизбежно к англо-германской войне. Эта причина—рост германского военного и торгового флота. В 1898 году германский флот был еще ничтожной величиной, с которой Англия могла

не считаться, а лет через 15, в 1913 г., Германия, по величине флота, занимала уже второе место после Англии. Таким образом, безраздельному английскому господству на морях грозил притти конец. Теряя на морях торговое и военное первенство, Англия могла потерять его и в колониальных владениях. Злоба английских империалистов к растующей морской силе Германии была беспредельна. Уже в 1912 году английский король Георг V грозил пустить ко дну всякое германское торговое судно. В широких размерах это и было осуществлено в мировой войне, начиная с лета 1914 года.

Остановимся еще на причинах, обусловивших неизбежность войны Франции и Германии. Здесь также налицо имелось достаточно горючего материала, чтобы мог вспыхнуть военный пожар. Мы уже видели, что грабительские интересы Германии и Франции сталкивались в Африке. Эти интересы сталкивались и в Малой Азии, где Франция упорно стремилась захватить турецкую провинцию Сирию. И, наконец, Франция хотела вернуть себе Эльзас и Лотарингию, две провинции, утраченные ею в войне с Германией в 1870 году, а кстати прихватить богатые угольные земли Германии, расположенные в пограничной полосе с Францией.

Мы далеко не исчерпали всех причин, из которых выросла мировая война. К ним можно бы еще прибавить и желание царской России отхватить у Австрии Галицию и застарелые стремления Италии забрать у Австрии земли, прилегающие к итальянской границе (из за-этого Италия изменила Австро-Германскому Союзу и вы-

ступила на стороне Франции, Англии и России). И многие другие причины можно перечислить. Но приведенных достаточно, чтобы понять основные корни войны, из которых выростала ее неизбежность.

Тайна, из которой война рождается, сводится к грабительским аппетитам капиталистов всех стран. Именно за этими аппетитами и надо зорко следить. И надо знать, что пока они существуют, — а они будут существовать, пока жив капиталистический строй, — существуют постоянно и причины новых войн.

Империалисты каждой страны стараются сваливать вину в начале военных действий на противника. Так, в мировой войне АНТАНТА (союзники—Россия, Франция и Англия) всю вину войны пытались свалить на Германию. И, наоборот, Германия эту вину сваливала на союзников.

Из того, что сказано о причинах войны, можно заключить, что вопрос о том, кто виноват больше и кто первый начал войну, — пустой вопрос. Виноваты все империалисты, и все они вкупе ответственны за многомиллионные жертвы войны.

Начало войны положено австрийским ультиматумом Сербии. Это так. Германии было выгоднее начать войну раньше, чем позже. Это мы знаем из признаний самих германских империалистов. Но мы также знаем, как усиленно готовились к войне союзники. И если бы Германия не начала войны в 1914 году, то в следующем году ее начала бы Англия, Россия и Франция. В воспоминаниях царского военного министра Сухомлинова, относящихся к 1913 году, мы читаем:

«Раздавить Германию было целью, которая определяла всю деятельность наших (русской и французской) армий. Но момент для решения этой военной задачи определяли не солдаты, а дипломаты» (министерство иностранных дел).

Известно, что французские капиталисты летом 1913 года предложили русскому правительству заем на сумму 400-500 миллионов франков ежегодно (около 180 миллионов золотых рублей) под двумя условиями:

1) что эти деньги пойдут на устройство дорог, необходимых для перевоза армии против Германии, и 2) что мирный состав русской армии будет увеличен. Россия должна была схватить за шиворот Германию, когда последняя двинет свои войска в пределы Франции. Мы помним, что именно так это и случилось. В начале войны, по требованию французского генерального штаба, русские войска были брошены в Мазурские озера и здесь оставили сотни тысяч погибшими.

Вот почему для нас вопрос, кто первый начал, не имеет значения: начали империалисты, начали международные грабители, для которых кровь трудящихся является материалом для добычи барышей.—

IV

Как социалисты предали трудящихся.

В прошлой главе мы писали, что и среди социалистов были простаки, утверждавшие, что война невозможна. Но таких простаков было немного. Большинство социалистических партий

предвидели опасность войны. Социалисты видели, как нарастает соперничество между капиталистическими странами в борьбе за рынки, за колонии, и понимали, что это соперничество добром не кончится.

До войны все социалистические партии мира были объединены в международное товарищество, или Интернационал. В истории рабочей борьбы этот Интернационал был уже вторым,—первый Интернационал погиб после разгрома французскими генералами восстания парижских рабочих в 1871 году, известного под именем Парижской Коммуны.

II Интернационал был основан через 18 лет в 1889 году. К этому времени вновь окрепло рабочее движение в Европе, окрепли и социалистические партии. Объединенные в Интернационале, эти партии каждые два-три года устраивали съезды социалистов всех стран. На этих съездах выносились решения по важнейшим вопросам для трудящихся всего мира. И не было такого международного съезда социалистических партий, который не вынес бы решения о войне. Война висела постоянной угрозой над народами,война всей своей тяжестью ложится, прежде всего, на трудящихся. В мирное время трудящиеся несут бремя воинской повинности и уплачивают налоги, идущие на вооружение. Во время войны гибнет, прежде всего, цвет крестьян и рабочих.

Первый же съезд II Интернационала в 1889 году, в Париже, вынес требование—упразднить постоянные армии и заменить их всеобщим вооружением народа.

Третий съезд в 1893 году, в Цюрихе, постановил обязать все социалистические партии всюду в парламентах отвергать кредит на военные расходы и требовать разоружения.

Четвертый Лондонский съезд в 1896 году вынес резолюцию, в которой написал:

«Трудящийся класс всех стран должен восстать против военного угнетения, как и против всякого другого гнета со стороны правящих классов, жертвою которых он является. В этих видах он должен захватить политическую власть для того, чтобы уничтожить капиталистический порядок вещей».

С особенной яростью и силой высказался по вопросу о войне седьмой международный съезд социалистических партий, собравшийся в Штутгарте (Германия). Он прежде всего с точностью установил причины происхождения войн. Вот что он написал об этом:

«Войны между капиталистическими государствами являются последствием их соперничества на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только к обеспечению за собой известного рынка, но и к приобретению новых рынков, преимущественно путем порабощения другого народа и отнятия его земель».

Здесь вполне определенно отмечен империалистический, грабительский характер современных войн.

Как должны вести себя социалисты и рабочий класс, если грозит вспыхнуть война?

Съезд на это отвечает: «... обязанностью рабочего класса во всех заинтересованных странах и долгом социалистов является помешать войне всеми способами».

«Если же,— так заканчивает съезд свое постановление,— война уже возникла, то они (социалисты и рабочий класс) обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить и всеми силами использовать вызванные войною тяготы, чтобы всколыхнуть широкие массы трудящихся и ускорить падение капиталистического господства».

Другими словами, Штутгартский съезд II Интернационала постановил, в случае возникновения войны, покончить с нею путем революционного восстания трудящихся против капиталистов.

Надо отметить, что это предложение было внесено вождем российской социал-демократической партии большевиков Владимиром Ильичем Лениным.

И наконец, последний съезд II Интернационала, состоявшийся в конце 1912 г. в Базеле (Швейцария), обратился ко всем трудящимся с манифестом, в котором писал:

«Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов среди рабочего класса возникновение войны не окажется безопасным для них самих. Пусть они вспомнят, что франко-германская война в 1870 г. вызвала революционный взрыв Парижской Коммуны, что русско-японская война про-

будила движение революционных сил русского народа (в 1905 г.).

«Рабочие считают преступлением стрелять друг в друга из-за выгод капиталистов, из-за честолюбия императоров и королей или из-за хитросплетений тайных соглашений...»

Так из года в год в течение 25 лет II Интернационал выносил совершенно ясные и точные решения о необходимости решительной борьбы против войны. Казалось, не могло быть и сомнений, что когда наступит роковой момент, социалистические партии II Интернационала пустят в ход все свои решения и угрозы против капиталистов, виновников войны.

Этот день наступил: 1 августа 1914 года раздались первые выстрелы мировой войны и II Интернационал... рухнул, как карточный домик. Социалисты, грозившие войне, социалисты, призывавшие трудящихся в случае войны к восстанию, социалисты, отвергавшие кредиты на войну,—в роковой день прихода мировой войны круто изменили прежним решениям и призывам и позвали рабочих вместо революции—в окопы «оборонять отечество», предложили трудящимся установить мир с виновниками войны—отечественными капиталистами,—проголосовали за все кредиты на войну. Вместо установления единого фронта всех трудящихся против капиталистов, социалисты Германии и Австрии, Франции и Англии повели рабочих стрелять и колоть своих братьев по классу.

Свершилась великая измена рабочему делу, гнуснейшее предательство рабочих масс социа-

листическими вождями. Только отдельные и очень немногие из вождей рухнувшего Интернационала остались верны его старым решениям: Ленин, Карл Либкнехт и Роза Люксембург (в Германии) и единицы с мало известными именами в других странах. Об их борьбе против войны мы скажем дальше. А сейчас на паре примеров последим, как социалистические вожди меняли свою шкуру, превращаясь из защитников рабочего дела в предателей трудящихся и слуг капиталистов.

Обратимся к Германии.

За пять дней до начала войны (25-го июля) Центральный Комитет Германской Социал-Демократической партии обратился к рабочим с воззванием еще в духе решений международных съездов. В этом воззвании Комитет «настоятельно требует от германского правительства, чтобы оно употребило все свое влияние на австрийское правительство для сохранения мира и, если нельзя будет предотвратить позорную войну, чтобы оно воздержалось от всякого военного вмешательства в нее».

Воззвание заканчивается обращением к рабочим:

«Угрожает мировая война! Господствующие классы, которые во время мира угнетают и презирают вас, теперь используют вас, как пушечное мясо! Отовсюду должен доноситься до ушей властителей клич: «Мы не желаем войны! Долой войну. Да здравствует международное братство народов!»

Так писали германские социалисты. за пять дней до начала войны. Прошло четыре дня.

Военная гроза сгущалась, становилось ясно, что войны не миновать. Германские социалисты понижают тон, они уже не зовут рабочих выступать против войны, они не кричат: «Долой войну». Нет, они ограничиваются тем, что как Понтий Пилат, умывают руки, заявляя о своей невиновности в грядущей войне. Они отклоняют от себя всякую ответственность за войну, возлагая ее на правительство и капиталистов.

Проходит еще день—новое воззвание Центрального Комитета, в котором социалисты просят рабочих «не создавать необдуманных, бесполезных и ложных жертв». Воззвание зовет рабочих к... «терпению».

«Товарищи, мы требуем от вас терпеливо ждать конца в непоколебимой уверенности, что будущее, несмотря на все, принадлежит социализму, справедливости и человечности».

В том воззвании уже запахло предательством. А на следующий день Центральный Комитет предлагает рабочим: «осторожнее высказывать свои политические убеждения на собраниях», потому что их могут подслушать «шпионы».

Так социалисты начинают помогать правительству Вильгельма и капиталистам, которых они пять дней назад клеймили, как виновников войны.

Еще через три дня германские социалисты в парламенте единодушно голосовали за кредиты на войну.

Так свершилась омерзительная измена рабочему классу и всем прошлым революционным клятвам перед лицом Интернационала. Из пилатов германские социалисты превратились в иуд.

Конечно, сейчас же своему предательству они постарались подыскать оправдание: «На Германию нападают — Германия должна обороняться, мы, социалисты, должны помочь обороне отечества».

Германские социалисты обратились в оборонцев, т.-е. в буржуазных прихвостней. Совершив первые шаги измены, дальше они стараются безудержу услужить отечеству кайзера (короля) Вильгельма. Они оправдывают себя и германское правительство тем, что война, дескать, идет против русского кнута, русского царя.

«Теперь решает железо! Теперь решает сила! Германский народ должен защищать себя. Наши солдаты будут храбро биться, чтобы не навлечь позора на германское имя!».

Вот как стали писать социал-демократические газеты. Социализм в Германии перестал существовать, германские рабочие покорно пошли в окопы истреблять русских, английских и французских рабочих под восторженный вой своих социалистических вождей.

Столь же гнусная картина происходила и в Австро-Венгрии, где социалисты всю измену проделали так же, как и их германские собратья.

Посмотрим теперь, как встретили войну социалисты Франции.

28-го июля Центральный Комитет Французской Социалистической Партии выпустил воззвание против военной опасности. Оно заканчивалось призывами:

«Долой войну! Да здравствует социальная республика! Да здравствует международный социализм!».

В тот же день один из социалистических вождей Густав Эрве написал яркую статью против войны. Вот как говорил он об участии Франции в войне:

«Эта война будет вестись не для защиты маленького сербского народа, а для спасения чести нашего союзника-царя».

«Честь нашего союзника! Честь русского правительства!... Наш союзник не был так щепетилен в вопросах чести, когда он душил Финляндию, когда он угнетал Польшу, когда он спускал свои черные своры на киевских и одесских евреев...

«Пусть лучше будет расторгнут наш оборонительный союз с Россией, нежели на нас ляжет позор присоединиться к ней в ее наступательной войне против Австрии...».

31-го июля одним из наемников империалистов был убит Жан Жорес, вождь Французской Социалистической Партии, наиболее энергичный противник войны. Преступная рука покончила с Жоресом, опасаясь его мощного голоса против войны. Через день французские социалисты устроили собрание, посвященное памяти Жореса. К этому времени Германия объявила войну России, а французское правительство издало распоряжение о всеобщей мобилизации: война началась. И вот, над могилой Жореса, первой жертвы войны, французские социалисты, лицемерно отдавая Жоресу хвалы, один за другим заявляют, что они вынуждены принять участие «в оборонительной войне».

«Если нам суждено вести эту войну, то мы желаем, по крайней мере, чтобы она была последней».

Так начался обман рабочих масс («последняя» война). Французские социалисты пошли тем же путем, что и германские: из социалистов они превратились тоже в оборонцев отечества, биржевиков и спекулянтов. Густав Эрве, накануне войны поносивший русского царя, вскоре запел ему восторженные гимны, восклицая:

«Да здравствует русский царь!»

В парламенте социалисты голосовали за кредиты на войну.

Германские социалисты звали рабочих на войну против русского кнута. Французские социалисты позвали рабочих на войну против германского хищного империализма и его императора. Французские социалисты стали прислужниками французской биржи.

Французские рабочие покорно пошли в окопы истреблять германских рабочих.

Социалисты других стран, за малыми исключениями, точно так же изменяли прежним своим взглядам на войну и становились за «оборону» своей отечественной буржуазии. Так поступили социалисты Англии, почти все российские меньшевики и эс-эры, социалисты Бельгии, вождь которых Вандервельде вошел в состав королевского министерства.

Как же случилось, что социалисты, четверть века на словах боровшиеся против войны, в решительный момент изменили знамени Интернационала и стали под знамена своих капитали-

стических государств, империй, королевств и буржуазных республик?

Дело в том, что и раньше Интернационал далеко не был единодушным в своих революционных решениях. Правда, за ним как будто шло большинство социалистов. Но значительное меньшинство их и раньше тянуло на сторону буржуазии. Так, часть социалистов стояла за участие социалистических представителей в буржуазных министерствах (во Франции), т.-е. за прямое сотрудничество, за соглашательство с буржуазией. На Штутгартском съезде, где была вынесена большинством революционная резолюция против войны, значительная часть социалистов стояла за оправдание и поддержку колониальной политики капиталистов, за необходимость колониальных захватов. А отсюда уже рукой подать и до признания войны.

На съезде эти социалисты имели значительный успех, едва не завоевав большинство. Ясно, что от этих социалистов решительной борьбы против войны ждать было нельзя.

Почему же были такие социалисты, стоявшие за сотрудничество с буржуазией и за колониальную политику? Да потому, что от колониальных захватов, от грабежа колоний крохи ограбленного попадали частью и в карманы некоторых слоев рабочих. Капиталистам, грабившим колонии, было выгодно выделить небольшую долю награбленных барышей, чтобы подкупить ими часть рабочего класса, обеспечить их лучшей заработной платой и, таким образом, привязать этих рабочих к себе. Такой политикой капиталисты развращали верхи рабочего класса, нап-

более организованные, делали их, что называется, ручными. Подкупались вожаки профессиональных союзов, подкупались и социалисты. Эти подкупы проделывались, конечно, не прямым путем, а самыми хитрыми и тонкими способами, которыми прекрасно владеет буржуазия. Социалистам помогали стать депутатами в парламентах, устраивали им теплые местечки и т. д. Вот почему многие из них уже на съездах Интернационала были против революционной борьбы с капиталистами. Другие только на словах поддерживали революционные постановления съездов, а на деле в любой момент были готовы изменить им.

К моменту начала мировой войны социалистические партии оказались насквозь зараженными ядом буржуазного разврата. Всякая революционная словесность полетела к чертям, и перед миром, вместо борцов за социализм, обнажились изменники рабочему делу и слуги буржуазии.

II Интернационал рухнул под тяжестью измены социалистических вождей.

Только единицы остались верны знамени революционной борьбы рабочего класса против капиталистов и войны. Их голоса вначале в общем зверином вое прислужников капитала были плохо слышны; заглушал их и грохот пушек, ошарашивший на первых порах войны головы трудящихся. Но проходили месяцы, страдания войны свинцовой тяжестью легли на плечи трудящихся. Они стали более чутко прислушиваться к голосам тех, кто звал к борьбе против войны, к революции. Из грохота войны, из великих страданий рабочих масс рождалась обновленная революционная энергия, прояснялось классовое рабо-

чее сознание, зарождался новый, боевой, революционный III Интернационал, Коммунистический. Этот Интернационал с непоколебимой решимостью сплачивает и ведет массы на «последний и решительный бой» с капиталистическим строем, он с корнем хочет вырвать всякие возможности к войнам, ниспровергнув господство капиталистов. Он это сделает. Перейдем сейчас к тому, как в разгар войны зарождались первые ростки Коммунистического Интернационала.

V

Большевики и война.

Единственная партия, которая не поддалась дурману войны и осталась верна революционному рабочему знамени, была партия российских социал-демократов б о л ь ш е в и к о в, вождем которой со дня ее основания и до последних дней своей жизни был тов. Ленин.

Война тяжело ударила по рабочим большевистским организациям в России. Царское правительство закрыло газету большевиков «Правду», которую читали сотни тысяч рабочих. Много подпольных работников большевиков было арестовано. А самое главное — на время порвались связи между большевиками в России и тов. Лениным, жившим за границей. И все-таки группа большевиков — членов Государственной Думы, состоявшая всего из пяти рабочих депутатов, не растерялась и выступила немедленно против войны, отказавшись голосовать за кредиты для царского правительства на войну. Эти

же депутаты вошли в рабочие массы и повели здесь революционную работу против войны и царского правительства.

Вскоре после начала войны бельгийский социалист Вандервельде, ставший королевским министром, обратился к русским социалистам с письмом, в котором просил их «временно прекратить борьбу против царского правительства». Меньшевики согласились с Вандервальде, а большевики, в лице рабочих депутатов думы, ответили решительным отказом. В начале ноября 1914 года царская полиция захватила депутатов-большевиков на собрании, арестовала их и засадила в тюрьму, несмотря на депутатскую «неприкосновенность». Царский суд отправил их на пожизненную ссылку в Сибирь.

В чем обвинило царское правительство депутатов-большевиков? В том, что они, по словам правительственного извещения, поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны, посредством подпольных воззваний и устной пропаганды (разъяснений).

Другими словами, большевики не пошли по стопам немецких и французских социалистов, не изменили рабочему классу, а выполнили свою революционную обязанность бороться против войны и самодержавия.

1-го ноября 1914 года Центральный Комитет партии большевиков выпускает манифест, в котором определяет отношение партии к войне и свои революционные задачи в связи с войной. Этот манифест был написан рукой тов. Ленина.

Манифест прежде всего раскрывает истинное содержание войны, как войны империалистической, грабительской, с целью передела колоний и рынков. Воюющие группы буржуазных государств стараются одурачить массы трудящихся, говоря о том, что они защищают «родину, свободу, культуру», при чем Германия добавляет, что она борется «за освобождение народов», угнетаемых царским правительством России, а Франция и Англия говорят, что они ведут борьбу «против военщины и господства Германии».

Все это вздорная ложь, которую должны разоблачать социал-демократы. Но «социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили»: они призывали массы итти за правительствами на войну, они изменили делу социализма. II Интернационал погиб в результате этой измены и надо открыто признать его крах и понять его, «чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран».

Дальше манифест указывает, что «с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царского правительства, угнетающего наибольшую массу населения Европы и Азии». А во всех передовых странах война ставит на очередь призыв к социальной рабочей революции «превратить современную империалистскую войну в гражданскую» (т.-е. в войну против правительств и буржу-

азии)—такова единственная правильная задача социалистов, оставшихся верными социализму. Эта задача определена последними съездами II Интернационала в Штутгарте и Базеле.

II Интернационал потерпел крах, развалился. Но—

— «Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет». Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал, очищенный от социал-предателей, соглашателей с буржуазией, господство которых недолговечно.

Манифест заканчивается лозунгами:

«Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма (т.-е. военного дурмана) буржуазии всех стран!

«Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма (от социалистов-изменников)!»

Манифест явился первым указанием на обязанность революционных социалистов бороться с войной. Он указал, с кем надо бороться (с буржуазией и социал-изменниками), против чего надо бороться (против одурачивания масс) и как надо бороться (разоблачать социал-изменников, разъяснять истинные причины и содержание грабительской войны, сплачивать революционные массы с целью превратить войну империалистскую в восстание против господствующих классов). Задачи российских социал-демократов большевиков были определены также с полной ясностью. Несмотря на звериный вой буржуазии и социал-предателей, меньшевиков и эс-эров, Ленин не побоялся сказать пря-

мо: «Поражение царской России есть наименьшее зло». Почему? Да потому, что это поражение скорее вызовет революционное движение рабочих и крестьян, которое свергнет царя и покончит с войной. Ленин и большевики не побоялись прослыть «пораженцами». Меньшевики ехидно спрашивали: «Значит, вы будете взрывать мосты, мешать продвижению русских войск, уничтожать заводы, изготовляющие снаряды, словом, помогать немецкой победе».

Неизвестно чего больше было в этом ехидстве — глупости или подлости. Конечно, не взрывать мостов, ни заводов, не помогать немцам большевики не собирались. Говоря о поражении царской России, как наименьшем зле, большевики, тем самым, звали рабочих и крестьян к революционной борьбе с царским правительством, не смущаясь тем, что это может помешать русской победе. А, кроме того, ведь быть «пораженцами», готовить социальную революцию, восстание трудящихся против капиталистов, большевики призывали трудящихся всех стран.

В марте 1915 года в Швейцарии собрался съезд всех заграничных групп большевиков, который на основе манифеста выработал более подробную программу для революционных социал-демократов. Вот что написано в этой программе о пораженчестве:

«В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистскую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение

правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов.

«В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции (господства буржуазии и помещиков), усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом».

Жизнь в полной мере оправдала это положение партии большевиков. Российская революция, в феврале 1917 г. свергнувшая царское правительство, явилась прямым следствием поражений русской армии.

С особенной силой Ленин обрушился на социалистов-предателей и на тех социалистов, которые осуждали предательство, но не хотели с этими господами порвать, а старались, наоборот, всячески прикрыть их. Были и такие социалисты. Они рассуждали так: война разрушила Интернационал — с этим ничего не поделаешь. «Интернационал, это—инструмент рабочей борьбы в мирное время». (Так писал один из вождей немецких социалистов—Карл Каутский.) Кончится война, Интернационал снова соберется, образует комиссию, которая разберет, кто из социалистов был прав и виноват. А так как социал-изменники были во всех странах, то, очевидно, все окажутся не виноватыми или взаимно простят друг друга.

В одной из своих статей в конце 1914 г. тов. Ленин ставит вопрос—не лучше ли отказаться от запачканного и униженного социал-предателями названия социал-демократов и принять название коммунистов. Эта перемена названия была произведена на VII съезде партии уже после Октябрьской революции, но Ленин хотел этого еще в начале войны.

Война затягивалась. Видно было, что не месяцы она продлится, а годы, губя новые и новые миллионы жизней. Дурман военного задора в головах трудящихся стал рассеиваться, на фронтах кое-где появилось братание, росло дезертирство из армий с фронтов, давал себя чувствовать голод, появилась всюду тяга к миру и острое недовольство войной. Наступило время, когда революционная агитация в массах могла иметь все больший и больший успех. И вот теперь-то социалисты, прикрывающие социал-изменников, заговорили о том, что надо «требовать мира». Как требовать? У кого требовать? Эти социалисты отвечали: «Надо настаивать, чтобы правительства прекратили войну и заключили справедливый мир».

Такая постановка вопроса явилась новым одурачиванием масс. Массам внушалась мысль, что вот эти правительства, буржуазные, разбойничьи, могут заключить мир, да еще «справедливый», «без аннексий и контрибуций». Такая пропаганда была или глупостью, или наглым обманом.

Империалистов, буржуазных разбойников переделать нельзя, капиталистический строй по своей природе разбойничий строй. «С волками

иначе не сделать мировой, как снявши шкуру с них долой». Капиталистические правительства не могут заключить мира, а если заключат, то завтра же, при первом удобном случае, его вновь нарушат. Мир настоящий может быть достигнут лишь через свержение буржуазных правительств революционным восстанием масс. Эту мысль упорно и настойчиво проводил Ленин и большевики.

5-го сентября 1915 года в швейцарской деревушке в Циммервальде собралась первая за время войны Международная Социалистическая Конференция, на которой были представлены социалисты разных стран (Германии, Франции, Швеции, Норвегии, России и др.), готовые разорвать с социал-предателями, восстановить единство международного рабочего класса и повести борьбу с войной и буржуазией. Конференция была не велика по числу (около 40 участников), но в ту пору значение ее было огромно. Созыв этой конференции означал, что большевики больше не одиноки в своей борьбе, что они имеют в этой борьбе успех, что революционное рабочее движение пробуждается во всех странах. Конференция приняла манифест, в котором объявила войну империалистической, осудила социал-предателей, выразила сочувствие осужденным царским правительством депутатам-большевикам Государственной Думы, объявила необходимость борьбы за мир, как борьбу «за свободу, за братство народов, за социализм» и т. д. Этот манифест не был таким ярко-революционным, как манифест большевиков в начале войны; революционные мысли в нем недо-

статочно ясно выражены, скорее затуманены, против социал-изменников он высказывается очень осторожно и робко, но тем не менее он был значительным шагом вперед по пути пробуждения революционного сознания трудящихся, и большевики были правы, подписав его. Но большевики не отказались от самостоятельной политики и продолжали ее в духе своего манифеста и программы, выработанной на своей конференции в марте 1915 года.

Между тем, в России явно усиливалось революционное движение рабочих масс. Уже летом 1915 года на заводах Ленинграда одна за другой вспыхивали забастовки. Царская армия терпела одно поражение за другим. Русская буржуазия выражала явное недовольство царским правительством, не сумевшим успешно вести войну. Буржуазия готова была взять в свои руки власть, но на это у нее не хватило смелости. Она ограничилась тем, что решила помогать войне (кстати и побольше извлекать из нее барышей), организуя военно-промышленные комитеты. Сюда же она хотела вовлечь и рабочих, чтобы таким образом задушить растущее революционное движение. Были объявлены выборы от рабочих Ленинграда «в Центральный Военно-Промышленный Комитет», во главе которого стояли московские капиталисты — Рябушинский и Гучков. Первые выборы сорвались. Под влиянием агитации большевиков рабочие отказались принять в них участие и заявили, что будут считать предателем всякого, кто пойдет в этот комитет, созданный на помощь грабительской бойне. Однако такие предатели нашлись, во

главе с меньшевиком Гвоздевым (впоследствии министром Временного правительства), при Центральном Военно-Промышленном Комитете образовалась «рабочая группа.

По поводу этого предательства Петербургский Комитет большевиков выпустил такое воззвание:

«Ко всему петербургскому пролетариату.

«Товарищи, предательство свершилось... Кучка изменников и ренегатов (отступников), за спиной рабочего класса, вступила в темную сделку с буржуазией и предала классовую нетерпимость и международное братство пролетариата за честь заседать на мягких креслах военно-промышленных комитетов, под председательством Гучкова... Буржуазная печать старается оповестить весь мир о том, что отныне российский пролетариат встал на защиту отечества и желает спасать царя вместе с черносотенцами и кадетами... В ответ на это пролетариат должен решительно заявить: «Руки прочь!». Красные знамена революционного социализма попрежнему широко развернуты в мощных руках российского рабочего класса... Рабочий класс неуклонно стремится в превращению данной войны в войну гражданскую... помня, что враг каждого народа в его собственной стране: его правительство, его буржуазия... Пролетариат должен отмежеваться от всех, предающих его интересы, и повести с ними беспощадную борьбу всеми доступными ему средствами.

«Долой изменников! Долой предателей!

«Да здравствует революционный пролетариат и его международная солидарность!

«Да здравствует гражданская война!»

Это воззвание, как и другие большевистские обращения к рабочим, имело большой успех. Буржуазии не удалось запрячь в военную колесницу российских рабочих потому, что ими руководила партия большевиков. Забастовки не прекращались, а, наоборот, росли и учащались. Все чаще и чаще, на-ряду с требованиями экономическими (сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и др.), бастовавшие рабочие выставляли требования и революционно-политические, среди которых было и свержение самодержавия и требование прекратить войну. В воздухе, на-ряду с военным порохом, запахло порохом революции. Она пришла не сразу. От приведенного выше воззвания к рабочим до революции прошел еще целый год. В этот год партия большевиков вела деятельную подготовку к восстанию.

С тов. Лениным у российских организаций большевиков были установлены постоянные сношения. Ленин, живя за границей, мог руководить и руководил нараставшей революцией в России. Еще осенью 1915 года от него имелись точные указания, как действовать большевикам в грядущей революции, какие требования выдвигать, за что бороться. Среди этих указаний упоминались и Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, которые Ленин предлагал рассматривать как органы восстания и как органы революционной власти.

* *
*

«Первая революция, порожденная всемирной империалистической войной, разразилась. Эта

первая революция наверное не будет последней». Так писал Ленин, получив за границей первые известия о революции в России. «Естественно, что в царской России, где расстройство жизни было самое чудовищное и где рабочий класс самый революционный—революционное восстание разразилось раньше всего. Это восстание было ускорено рядом самых тяжелых поражений, которые были нанесены России и ее союзникам. Поражения расшатали весь правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него все классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав».

Таким образом, политика, которую наметила партия большевиков в своем манифесте в начале войны, блестяще оправдалась: Россия, в результате поражений, первая вступила на путь превращения войны империалистической—в войну гражданскую. Вместо царской монархии в результате февральской революции у власти стало буржуазное правительство из октябристов (Гучков) и кадетов (Милюков). Оно было «правительством продолжения империалистической бойни, правительством захвата, не отказавшееся ни звуком от царской военной политики. Это правительство связано по рукам и по ногам англо-французским империалистским капиталом...» Вот как Ленин сразу определил новое Временное правительство. Ясно, что борьба рабочих и крестьян Февральской революцией не могла кончиться. Она должна быть

решительно продолжена. Правительство Гучкова-Милюкова не могло дать народу «ни мира, ни хлеба, ни свободы».

По возвращении в Россию тов. Ленин немедленно огласил свои знаменитые тезисы (положения) в которых был намечен путь дальнейшей борьбы. Здесь Ленин писал в первом же пункте о войне:

«В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

Между тем, меньшевики и эс-эры после Февральской революции, все, без исключения, стали ярыми оборонцами, назвав свое оборончество «революционным». На самом деле в этом оборончестве, конечно, не было ничего революционного. Оно было такой же изменой и предательством рабочих и крестьянских масс, как и оборончество германских и французских социалистов. 14-го марта 1917 года Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, состоявший в подавляющем большинстве из эс-эров и меньшевиков, принял обращение «к народам всего мира», в котором призывал «народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира». Это обращение, конечно, было пустым звуком, равно, как и обещание «всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих клас-

сов». Ведь господствующие-то классы (Милюков и Гучков) были у власти, ведь они не отказались от войны, от тайных договоров с союзниками, а вскоре даже сообщили, что эти договоры остаются в силе и без изменений,—значит, Россия попрежнему продолжает войну. Практическим шагом «к решительным выступлениям в пользу мира» было бы свержение правительства Милюкова-Гучкова, создание рабоче-крестьянской власти. Но такой шаг меньшевики и эс-эры и не думали делать. Огласив пустословный манифест, они занялись «революционным оборончеством».

«На революционную войну,—писал Ленин в своих тезисах,—действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий (захватов) на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала».

Это значит, что если рабочий класс и беднейшее крестьянство будут у власти, будут единственными хозяевами своего государства, тогда они, конечно, самым решительным образом будут защищать, оборонять свою землю и революцию от вражеских нападений, тогда действительно будет революционная оборона. Так и случилось после Октябрьской революции, когда, в самых трудных условиях, русские рабочие и

крестьяне с невероятной энергией и силой отстаивали свою советскую землю от белогвардейцев и иноземных захватчиков. И отстояли. Но пока у власти были капиталисты, правительство Милюкова-Гучкова, надо было «особенно настойчиво, терпеливо разъяснить широким массам... неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим (народным) не насильническим миром нельзя без свержения капитала».

Надо было рассеять оборонческий дурман в головах масс, обман, в который вводили рабочих, крестьян и солдат меньшевики и эс-эры.

Действительность скоро подтвердила правильность взгляда большевиков на Временное правительство. 21-го апреля Временное правительство опубликовало в газетах ноту, т.-е. послание, отправленное союзным правительствам (английскому, французскому и др.). В этой ноте было заявлено «о всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы». При чем Временное правительство обещает, что оно «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших сюзников».

Насчет «всенародного стремления» к войне Временное правительство сильно преувеличило. В тот же день, как питерские рабочие и солдаты узнали о ноте, они немедленно показали, как они хотят «войны». Массы с решительным протестом выступили на улицы. Милюков дал первое наглядное просвещение массам в том, о каком «революционном оборончестве» болтают

меньшевики и эс-эры. Милюков полетел с министерского поста—пришлось им пожертвовать, но от этого характер буржуазного, империалистического правительства не изменился. Временное правительство, под нажимом английского и французского капитала, при поддержке меньшевиков и эс-эров, втайне готовило русские армии к наступлению.

Это наступление было начато 18-го июня, когда в составе правительства уже были министры-социалисты: Церетелли, Чернов и др., а военным министром вместо Гучкова был тоже «социалист» (эс-эр) Керенский.

Об этом наступлении газета большевиков «Правда» писала:

«Наступление объявлено во имя мира. Но «во имя мира» бросают войска империалисты всех стран... Этот обычный прием всех империалистов русские министры из «социалистов» разукрасили самыми трескучими фразами... Никакими трескучими фразами не прикрыть того факта, что революционная армия России послана в бой во имя грабительских целей Англии, Франции, Италии, Японии, Америки... С неустанной энергией будем мы продолжать разоблачать политику правительства, решительно предостерегая попрежнему рабочих и солдат против нелепых надежд на разрозненные, отдельные выступления. Дело в этапе общенародной революции»...

Суть этого этапа революции заключалась в том, что рабоче-крестьянские массы в своем большинстве еще продолжали верить меньшеви-

кам и эс-эрам, продолжали верить и надеяться, что министры-«социалисты» дадут им «мир, хлеб, и свободу». Каждый новый день разрушал эти надежды, каждый новый шаг меньшевиков, эсэров и их министров прояснял настоящее революционное сознание масс.

Наступлением 18-го июня был сорван тот действительный мир и братание русско-немецких солдат, которое установилось на фронте после революции. Наступление 18-го июня подорвало доверие трудящихся масс всего мира к российской революции и обнажило все пустозвонство манифеста о мире, с которым меньшевики и эс-эры 14-го марта обратились к «народам всего мира».

Это наступление скоро было остановлено немецкой армией и превратилось в беспорядочное отступление и бегство русских войск. С этого момента на солдат со страниц буржуазной и эсэровско-меньшевитской печати полился бесконечный поток грязи и клеветы. «Солдаты—изменники, шкурники, трусы»... У буржуазных и социал-предательских прохвостов для российского революционного солдата, измученного войной, не осталось других слов, потому что солдат не оправдал их надежд, потому что он не хотел больше умирать за барыши английских и французских капиталистов, за Гучковых и Рябушинских. Заговорили о смертной казни для солдат. В Петербургском Совете за смертную казнь поднялась лишь одна рука—меньшевика Церетелли.

Но еще перед этим в дни 3 —5 июля питерские рабочие и солдаты, возмущенные политикой правительства, выступили огромной массой на улицы с требованием изгнать от власти мини-

стров-капиталистов и всю власть взять советам. В советах были еще в большинстве меньшевики и эс-эры. Но они не хотели разрывать союза с буржуазией. Выступление рабочих и солдат было встречено расстрелами, для которых правительство вызвало несознательные части с фронта. Разгромив выступление, меньшевики и эс-эры занялись разоружением рабочих и революционных питерских полков. Партия большевиков была обвинена не только в устройстве этого выступления, что было неверно (большевики, наоборот, считали выступление преждевременным и сдерживали массы), но против ее вождей правительство постаралось пустить грязную клевету: «вожди большевиков—немецкие шпионы». Надо было быть трижды мерзавцами, чтобы прибегать к таким средствам борьбы. Но буржуазия и социал-предатели в средствах не стесняются, когда эти средства направлены против революционной партии трудящихся, или против самих трудящихся. Они надеялись грязной клеветой отпугнуть рабочих и солдат от большевиков. Но массы уже не верили негодяям империализма и их «социалистическим» прислужникам. После июльского разгрома рабочие и революционные солдаты еще крепче сплотились вокруг партии большевиков. Более того, массы поняли, что мирным путем, без решительной борьбы, без новой революции, нельзя создать рабоче-крестьянскую власть, а следовательно, нельзя добыть и «мира, хлеба и свободы». С этого момента пошла быстрая подготовка к Октябрьскому восстанию. Контр-революционное выступление генерала Корнилова, в котором был замешан и

министр-«социалист» Керенский, окончательно раскрыло глаза массам на фронте и в самых глухих деревнях, к чему приводит социал-предательская, соглашательская политика меньшевиков и эс-эров.

В начале октября тов. Ленин писал, обращаясь к петербургским и московским большевикам: «Большевики не в праве больше ждать... Они должны взять власть тотчас. Этим они спасут и всемирную революцию, и русскую революцию, и жизнь сотен тысяч людей на войне...»

25-го октября (7 ноября) ленинградские рабочие и солдаты, кронштадтские матросы, под руководством партии большевиков, свергли власть временного правительства. В это время уже собрался второй Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. На нем в большинстве были представлены большевики. Съезд выбрал Совет Народных Комисаров—новое, невиданное в истории, Рабоче-Крестьянское Правительство.

На другой же день после переворота первым словом Совета Народных Коммиссаров был декрет о мире, прочитанный Лениным и единодушно принятый съездом:

«Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

«Справедливым демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных войной рабочих и трудящихся классов

всех воюющих стран,—миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,—таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.-е. без захвата чужих земель), без насильственного присоединения чужих народностей и без контрибуций.

«Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки, тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций...

«Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие... не менее, как на три месяца...»

Кончается декрет о мире обращением «к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств—Англии, Франции и Германии»... В этом обращении рабоче-крестьянское правительство выражает надежду,—«что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплоатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплоатации».

Декрет о мире глубоко отличался от меньшевистско-эс-эровского обращения «к народам всего мира». Его языком говорило властное револю-

ционное правительство, за которым стоял восставший народ. Декрет обращался не только к народам, но и к правительствам воюющих стран. Таким образом, вопрос о мире ставился практически, по деловому. «Мы не можем обойти правительств, — говорил Ленин,—ибо тогда затягивается возможность заключения мира. Но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а потому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира».

Как и надо было ожидать, «доблестные союзники»—английское и французское правительства — встретили предложение мира полным молчанием. Они хотели продолжать войну, они надеялись на полный разгром Германии. К тому же они не верили, что новая Советская власть будет существовать всерьез и надолго. Они смотрели на Октябрьскую революцию, как на вспышку анархии, беспорядка, который скоро будет подавлен «здравомыслящими» людьми.

Точно так же хотела обойти молчанием декрет о мире и генеральская ставка, во главе которой стоял начальник штаба генерал Духонин. Несмотря на приказание Совета Народных Комиссаров, он не принял никаках мер к тому, чтобы начать переговоры о перемирии с немецким командованием. Духонин был смещен, и Совнарком обратился непосредственно к солдатам с воззванием, в котором, сообщая в начале о том, как генералы хотят сорвать дело мира в угоду союзникам, а также о назначении нового главнокомандующего прапорщика Крыленко,

призывал солдат самих взять дело мира в свои руки. Вот это воззвание:

«...Солдаты, дело мира в ваших руках! Вы не дадите контр-революционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок.

«Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами. Подписать окончательный договор о перемирии в праве только Совет Народных Комиссаров.

«Солдаты! Дело мира в ваших руках! Бдительность, выдержка, энергия, и дело мира победит!»

Революционная власть действовала по революционному, решительно и быстро. 12-го ноября главнокомандующий тов. Крыленко послал первых уполномоченных русской армии к немцам с предложением перемирия. Это предложение было немцами принято. Через две недели в Брест выехала российская делегация для переговоров о мире.

Буржуазия обвинила большевиков в том, что они в угоду немцам хотят заключить сепаратный, т.-е. отдельный от союзников мир. Это вздорное обвинение. Мир был предложен всем государствам. Этого мира не хотели «союзники» и замолчали предложение Советской вла-

сти. Да и нельзя было рассчитывать, что правительства союзников пойдут на мир. Больше надежд можно было питать на то, что народы союзных стран скорей восстанут против войны. Поэтому декрет и обращался, кроме правительств, к народам. Поэтому Советское правительство и поспешило огласить тайные договоры между правительствами о войне. Из этих договоров было ясно видно, что не за свободу и за освобождение народов воюют правительства, а, наоборот, за ограбление, за угнетение народов. Меньшевики скрыли эти договоры, большевики их вытащили на свет и показали трудящимся всего мира.

Но восстание западных народов не могло произойти быстро, и Советская власть вынуждена была одна начать переговоры с германским правительством. Эти переговоры тянулись два месяца и кончились ничем. Советская делегация сознательно затягивала их, чтобы, во-первых, дать западным народам возможность заставить и свои правительства принудить к миру, а во-вторых,— и в самой Германии уже назревали революционные события.

В январе 1918 года в Вене и Берлине вспыхнули рабочие забастовки, и образовались по образцу России Советы Рабочих Депутатов. Казалось, что весь мир вступает в полосу революции. Но эти надежды оказались преждевременными. Германская буржуазия задавила движение рабочих. 11-го февраля 1918 г. германская делегация предъявила советской ультиматум: принять немедленно условия мира, выработанные немцами. Эти условия были очень тяжелы. Герма-

ния хотела отхватить у России ряд областей, занятых немецкими войсками, и содрать большую контрибуцию. Советская власть отказалась подписать этот мир, но вместе с тем заявила, что она не будет продолжать войны. Это было сделано в расчете на то, что немецким генералам не удастся двинуть войска на революционную Россию, отказавшуюся от войны. Однако этот расчет не оправдался. В германской армии еще были послушные генералам полки. Эти полки заняли Псков и грозили занять Ленинград. Вопрос о подписании мира стал во всей грозной остроте. Была часть большевиков, которые говорили, что лучше умереть, погибнуть в борьбе с немцами, но «похабного» мира не подписывать. С таким рассуждением, в котором говорило отчаяние, был не согласен тов. Ленин. Он заявил: «Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра (неосновательное, преступное выступление), за которую народ в праве винить власть, пошедшую на такой отказ».

Большинство партии пошло за Лениным. Договор было решено подписать. Он и был подписан 3-го марта 1918 г., при чем наша делегация его даже не стала читать и не обсуждала. Тяжкий мир, навязанный императорской Германией, был подписан под угрозой немецких пушек революционной, но безоружной, без армии Советской Россией.

15-го марта он был утвержден IV Чрезвычайным Съездом Советов. Съезд признал «безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение

германских условий мира, ибо эти условия навязаны явным и неприкрытым насилием».

За подписание Брестского мира на большевиков было сделано много злобных обвинений и нападок. Летом 1918 года ближайшие союзники большевиков в Октябрьской революции — левые эс-эры—пытались сорвать Брестский мир убийством немецкого посла графа Мирбаха. К счастию, это им не удалось. Брестский мир был «архи-тяжкий», как называл его Ленин, но он все же дал рабочим и крестьянам некоторую передышку. Он дал возможность Советской власти создать новую Красную армию, которая отбила все нападения белогвардейцев на Рабоче-Крестьянскую Республику.

Брестский мир разлетелся, как дым, меньше, чем через год. В ноябре 1918 г. немецкие рабочие свергли правительство Вильгельма II — это была вторая революция, вызванная военным поражением. Рядом с ней последовала австрийская революция и венгерская. От Бреста не осталось и следа. Теперь оглядываясь в историческое прошлое, мы твердо можем сказать: «Наш великий вождь Ленин был прав, настаивая на подписании Брестского мира. Этот мир, хотя и тяжкий, но помог сохранению Советской власти. Мало того, Брестский мир, хот и «похабный», но все же был серьезным ударом по мировой войне. Он показал, что только рабочие и крестьяне, взявшие власть в свои руки, могут уничтожить войну. Он показал, как могут в самых трудных условиях восставшие рабочие и крестьяне удержать в своих руках власть. Легко побеждать в хороших условиях, сумей устоять в

труднейших.»—Так не раз говаривал Ленин. Эти слова могут послужить заветом для трудящихся всех стран, которым еще предстоит пройти тяжелый путь рабочих революций.

VI

Конец мировой войны. Версальский «мирный» договор.

Брестский мир освободил Германию от одного из крупных противников. Захватом Украины Германия пыталась поправить свои продовольственные нехватки. Но ни Брестский мир, ни грабеж Украины не спасли и не могли спасти Германию от военного разгрома. Ее союзники, Австро-Венгрия, Турция и Болгария, изнемогали в военных тяготах и не могли уже оказывать серьезного сопротивления войскам Италии, Англии и Франции. Со вступлением в войну Америки участь Германии была решена, и поражение ее стало неизбежным. Америке, несмотря на действия немецких подводных лодок, топивших американские корабли, удалось перебросить в Европу армию, снаряжение и вооружение. Три капитала—французский, английский и американский—оказались значительно сильнее германского; их заводы и фабрики больше вырабатывали винтовок, орудий, снарядов, танков, отравляющих газов и других средств истребления. Уже в июле 1918 года была сломлена наступательная сила германской армии. А еще через месяц, некогда грозная военная сила Германии не способна была уже и к сопротивлению. Росло недовольство и революцион-

ное настроение солдат, росло дезертирство, то и дело в разных частях вспыхивали восстания, солдаты все чаще и чаще отказывались повиноваться офицерам. Словом, повторялась история, которую пережила накануне революции русская армия. В конце сентября верховное немецкое командование заявило императору Вильгельму II и его правительству, что армия к продолжению войны не годна и что необходимо немедленно заключить перемирие и просить у противников мира. 5-го октября германское правительство обратилось к Антанте (союзникам) с просьбой о мире и с заявлением, что оно готово заключить этот мир на условиях, опубликованных американским президентом Вильсоном в начале 1918 года и известных под названием «14 пунктов Вильсона».

В этих условиях говорилось, что мир должен быть заключен без аннексий (захватов чужих земель) и контрибуций (уплат деньгами или другими ценностями, которые берутся после войны победителями с побежденных стран). При переделе земель Вильсон обещает считаться прежде всего с интересами населения этих земель, с волей и желаниями этого населения. На этом основании он хотел «независимой Польши» и возвращения Эльзас-Лотарингии, отнятых у Франции Германией в 1871 г., обратно Франции и т. д. Эти обещания Вильсона стоит запомнить, чтоб потом сравнить с ними результаты Версальского договора.

5-го ноября союзники согласились на переговоры о мире, а французский главнокомандующий Фош выработал условия перемирия, которые

делали Германию совершенно неспособной к дальнейшему сопротивлению.

В это же время начинается полоса крупных восстаний, положивших начало германской революции. 4-го ноября весь флот в Киле охвачен восстанием, к которому присоединяется и гарнизон Киля. Образуется первый солдатский совет. Движение перебрасывается на другие города. 9-го ноября в Берлине объявлена всеобщая забастовка; массы рабочих выходят на улицу, и у правительства нет сил противодействовать революции. Вильгельм отрекся от престола.

В нашу задачу не входит обзор германской революции. Отметим лишь, что социал-демократы германские в дальнейшем ходе революции сыграли такую же позорную роль, как и русские меньшевики. Они вторично (первый раз в начале войны) предали рабочий класс. Став у власти, они сделали все, чтобы оставить рабочих рабами капитала. А когда наиболее революционная часть рабочих еще раз восстала за действительную власть советов — в январе 1919 г.— социал-мерзавцы утопили это восстание в рабочей крови. Вожди революционных рабочих — Карл Либкнехт, которого правительство Вильгельма II почти всю войну продержало в тюрьме за выступление против войны, и Роза Люксембург—были убиты озверевшим офицерьем, которым руководил социал-демократический палач Носке.

Таким образом, ко времени мирных переговоров Германия предстала не только обессиленной в войне, но и с разгромленным и обезоруженным рабочим классом. Капиталисты Антанты могли с ней не церемониться. Они и не церемо-

нились. Прежде всего Германия не была даже приглашена на переговоры. Договор о мире вырабатывался победителями: Францией, Англией, Америкой и Италией, а когда этот договор был готов, его просто предложили Германии принять. По месту, где договор вырабатывался (Версаль— город во Франции), он получил название Версальского, а по содержанию этот договор явился наиболее грабительским и наглым из всех договоров, какие только знает история.

От 14 пунктов американского президента Вильсона, на условиях которого Германия просила мира, не осталось ничего, кроме лицемерных слов. Договор был составлен так, как хотел этого Клемансо — представитель французского капитала, а он хотел во что бы то ни стало окончательно добить Германию и разрушить.

По Версальскому договору у Германии отобраны все колонии в Африке и в Азии. От основной европейской земли Германии оторгнуты: Эльзас и Лотарингия, большая часть Западной Пруссии, часть Силезии и др. области, в общем свыше 24 тысяч квадратных миль с шестью миллионами населения. Может быть, в оторгнутых областях живет не немецкое население? Да, есть французы (в Лотарингии), поляки (в Западной Пруссии), но много и коренных немцев. А в общем население этих областей и не спросили, хотят ли они от Германии стойти к Франции или Польше. Так считались победители с «волей» и «желанием» народов. Конечно, ни о каком самоопределении не было и речи. Больше того, немцы, составившие после заключения мира Австрий-

ское государство всего с шестью миллионами населения, очень хотят слиться воедино с германскими немцами: это запрещено Версальским договором.

Кроме указанных земель у Германии отобрана и на 15 лет передана Франции богатая углем Саарская область, сплошь заселенная немцами.

Отбирая у Германии земли, союзники хотели не только обкарнать Германию, но и нанести удар ее промышленности. Этого они добились, лишив ее большей части угля, на котором работали немецкие фабрики и заводы. Но это им показалось мало—из оставленного Германии угля они обязали ее делать доставки во Францию в размере 20 миллионов тонн (тонна—61 пуд.) ежегодно первые пять лет и 8 миллионов тонн следующие пять лет.

С отходом Эльзас-Лотарингии к Франции, Германия потеряла большую часть железной руды—около $^3/_4$ всей прежней немецкой добычи; это был второй удар по немецкой промышленности. Затем, вся металлургическая и химическая промышленность, оставшаяся у немцев, взята под надзор союзников.

Следующие удары победители нанесли немецкой торговле,—у Германии по договору были отобраны все крупные суда морского торгового флота и значительная часть мелких морских и речных. Массу всякого другого имущества Германия передала союзникам. Вообще все имущественные потери ее, включая сюда флот и саарские угольные копи, исчисляют в 32 миллиарда 800 миллионов золотых марок (марка — 50 к.).

Такого ограбления сразу еще не знала история.

И, наконец, Германии предстояло еще выплачивать огромную контрибуцию. Так как это слово нехорошо звучало в «демократических» ушах американского президента Вильсона, да и массам слишком много наговорили о мире «без контрибуций», то оно было заменено другим, не менее звучным словечком—репарации, что означает возмещение военных убытков победителей, т.-е. буквально то же самое. Союзники здесь хотели как можно больше хапнуть. «Германия заплатит за все»—так говорили министры и генералы Франции и Англии. Вначале они не назвали даже общей суммы репарационных платежей Германии и только весной 1921 года определили их в 132 миллиарда золотых марок или 61 миллиард рублей. Эту сказочную сумму и сами союзники не надеются получить с разгромленной и разграбленной Германии. Но побежденную Германию надо добить и не дать ей вздохнуть, поэтому плати и плати без конца.

«Германию добить»—поэтому у ней уничтожен Версальским договором военный морской и воздушный флоты, поэтому ей позволено иметь армию не свыше 100 тысяч человек, поэтому в пограничных областях Германии по реке Рейну оставлены союзные войска, которые содержатся за счет немцев.

Повторяем, разгром и ограбление, которые учинили союзники над Германией, не виданы и не слыханы в истории. И весь этот разбой прикрывается лицемерными фразами, специально написанными для надувательства масс.

Так город Данциг отобран у Германии и передан Польше. В договоре об этом говорится—

Данциг объявляется «вольным городом», но входит в польские границы, Польша «руководит» иностранными сношениями города и контролирует его торговлю.

Версальский договор был принят и вручен Германии к исполнению 28 июня 1919 г.

Скоро обнаружилось, что Германия, ободранная как липка, не может платить репараций, на нее наложенных. Разные комиссии, в том числе и комиссия американского миллиардера Моргана, обследовали платежеспособность Германии и пришли к заключению, что без восстановления германского хозяйства уплаты репараций невозможны. Но чтобы восстановить хозяйство, Германии нужны капиталы, займы. Эти капиталы после войны скопились в руках Америки. Однако Америка отнюдь не намерена снабжать германское хозяйство деньгами с тем, чтобы эти деньги, путем репараций, пропадали в бездонных карманах Франции.

Казалось бы, проще всего было дать Германии вздохнуть, оправиться, отсрочить ей платежи до того времени, пока она сможет платить, наконец, уменьшить эти платежи до действительных хозяйственных возможностей Германии. Не тут-то было: «Германию надо добить». Французские капиталисты наобещали своему крестьянству, пострадавшему от войны, и городскому мещанству, что «Германия за все заплатит». Не получая репараций, они утверждают, что хитрые немцы уклоняются от уплаты, а на самом деле они могут платить.

Чтобы заставить Германию платить, бывший председатель Совета Министров Франции Пуан-

каре решил захватить немецкую угольную область Рур, единственную область, которая питает теперь углем немецкую промышленность. Захват Рура произошел в начале 1923 г. Без согласия Англии захвата Рура нельзя было произвести. Англия дала это согласие с тайной мыслью, что немцы окажут сопротивление, которое обессилит Францию, и, таким образом, английский капитал займет первенствующее место в Европе. Этого не случилось. Рабочие Рура готовы были оказать сопротивление французским грабителям, они готовы были бастовать, но голод сломил их силы, а германская буржуазия не оказала им ни малейшей поддержки. Германская буржуазия оказалась подлее, чем это думали англичане. Вместо сопротивления, она предпочла пойти на поклон французским капиталистам и на сговор с ними за счет усиленной эксплоатации и угнетения немецкого рабочего класса.

Пуанкаре, как будто, вышел победителем, но не надолго. Расходы по захвату Рура сильно отразились на государственных расходах Франции, выростал французский долг, франк стал падать. Стало очевидным, что проглотив Рур, Франция не может переварить его. Франция, скрепя сердце, вынуждена пойти на уступки союзникам и считаться с их планами ограбления Германии. А надо сказать, что планы Америки и Англии серьезно отличаются от намерений и желаний Франции. Последняя хочет видеть Германию на столько обессиленной, чтобы она никогда не могла подняться. Франция хочет раздробления Германии на отдельные неболь-

шие государства, Рурскую область целиком присоединить к себе. Французские капиталисты боятся, что Германия, не раздробленная, снова усилится и отплатит Франции за свое поражение и ограбление.

Наоборот, Англия не хочет полного обессиления и раздробления Германии. Ей нужна Германия, как рынок, куда можно было бы сбывать английские товары. Но в то же время английский капитал боится усиления немецкой промышленности, которая может на рынках забить английскую. Поэтому английская политика сильно колеблется в отношении Германии. Но — в основном—английский капитал хочет, чтобы Германию грабила не одна Франция, а чтобы все капиталистические государства наживались на ней на одинаковых правах. Но для этого все-таки нужно восстановить хозяйство Германии, чтобы было что эксплоатировать. Вот почему Англия, хоть и осторожно, но выступает против французской политики в германском вопросе.

И наконец, Америка, которая после войны стала богатейшей страной в мире,—Америка надеется сделать из Германии свою колонию. И эти расчеты весьма основательны. Без новых капиталов разоренную, обескровленную и ограбленную Германию нельзя восстановить. Но капиталы в руках Америки. Америка ждет, когда можно будет по самой дешевой цене скупить германское хозяйство. И это время, видно, близится.

Франция сорвалась на захвате Рура, у Франции огромные долги, которые она не может платить, правительство Франции вынуждено увели-

чивать налоги внутри страны и, прежде всего, на крестьян. Пуанкаре на этом сломал себе шею, его заменил Эррио. Франция, в конце концов, должна будет отказаться от мысли одной грабить Германию. Вот тут-то и выступает Америка. Именно Америка, так как даже совместно с Англией Франция не в состоянии справиться с эксплоатацией Германии, и у Англии не хватает капитала.

В последнее время Германия вновь была обследована комиссией, в которой представительствовал американский генерал Дауэс. Эта комиссия разработала план восстановления немецкого хозяйства и его постепенного ограбления. План устанавливает необходимость снабдить Германию капиталами, но, вместе с тем, все германское хозяйство идет под контроль союзников—Германия превращается в настоящую колонию белых рабов.

Как к этому относится Германия? Прежде всего единой Германии нет. Есть Германия капиталистов, которые готовы вступить в соглашение с любыми капиталистами мира, лишь бы ограбление не коснулось их капиталов. И есть Германия рабочая, которая голодает, страдает, вымирает и борется.

Осенью прошлого года Германия вновь пережила революционную встряску, и вновь восстание рабочих было разбито. Германская социал-демократия попрежнему предает рабочий класс, питаясь остатками его доверия к ней.

Но это доверие слабеет. И наоборот, растет и крепнет Германская Коммунистическая Партия. На последних выборах в германский парламент она получила свыше 4-х миллионов голосов. С Коммунистической Партией, с победой рабочего

класса только и связаны надежды на возрождение новой, самостоятельной, революционной Германии. Эта Германия будет Советской, она станет ближайшим другом Союза Советских Социалистических Республик, она войдет в семью нашего Союза. В этом—единственный путь к освобождению немецкого народа от порабощения его грабительской буржуазией, своей и иноземной. Рано или поздно, но на этот путь Германия неизбежно станет. Версальский договор, как и Брестский, будет вдребезги разбит рабочей революцией.

VII

Мир перед новыми войнами.

Война кончена. Европа получила Версальский мир, по которому Германия подверглась жестокому разграблению, и еще ряд мирных договоров, по которым были ограблены другие побежденные страны, союзницы Германии: Австро-Венгрия, Турция и Болгария. Старая карта Европы резко изменилась. Вместо Сербии образовалось новое государство—Юго-Славия, в состав которого вошли: прежняя Сербия, Черногория и ряд земель, отобранных у Австрии. Австро-Венгрия распалась на три новых государства: Австрия, Венгрия и Чехо-Словакия. Воскресла Польша, объединившая в себе земли, ранее входившие в состав России, Германии и Австрии (Галиция). Это—коренные изменения. Кроме того, каждое из государств—победителей (Италия, Румыния, Франция и др.) получили за счет побежденных земельные прирезки.

Война кончена. Передел земель произведен. Народы могут наслаждаться «вечным» миром и обновленным счастием: с них спали налоговые тяготы, которые раньше собирались на вооружение и содержание армий, народы могут спокойно работать, накоплять новое богатство, не опасаясь больше ни грохота пушек, ни отравляющих газов, ни снарядов, сброшенных на головы с воздушных кораблей. Ведь все это и многое другое было обещано народам правительствами и господствующими классами в начале мировой войны. Ведь эта война была объявлена «последней». «Уничтожим осиное гнездо военщины—императорскую Германию, и войн больше не будет! Никогда. Слышите, народы, ни-ко-гда!»—так кричали французские, английские, американские правительственные газеты, так заявляли министры, депутаты, президенты, им поддакивали социал-предатели. Войны больше не будет. И народы беспощадно истребляли друг друга во имя того, чтобы раз навсегда уничтожить новую возможность истребления. «Война за вечный мир»—за это стоит отдать жизнь. Пусть не мы, так наши дети и внуки будут наслаждаться счастием полного и нерушимого мира.

Посмотрим, как исполняются обещания господствующих классов и их прихвостней. От того момента, как прозвучал последний выстрел на поле мировой войны, прошло шесть лет. Срок, может быть, недостаточный, чтобы восстановить неисчислимые убытки, понесенные войной, но вполне достаточный, чтобы сказать: установлены ли мировой войной твердые основы «вечного мира», идет ли человечество по пути к этому

миру, к уничтожению всяких причин для взаимного истребления? Сняты ли с рабочих и крестьянских плеч налоговые тяготы на содержание армий? Могут ли народы спокойно работать?

Война разорвала мир на отдельные части. До войны мир являлся как бы единым хозяйственным организмом. Государства были связаны между собой торговыми сношениями и не только ими, но и переплетом капиталов. Германия вкладывала свои капиталы во французскую промышленность, Франция, наоборот, в германскую. В российскую промышленность были вложены многочисленные капиталы разных стран и т. д. Именно поэтому, как мы писали в главе о причинах войны, буржуазные ученые и простаки-социалисты и утверждали, что войн больше не будет. Интересы народов переплетены так, что их невозможно, страшно разорвать—это будет безумием, от которого погибнет мир. Ученые ошибались или сознательно лгали. Мировое единство было—это верно, но оно строилось на капиталистической выгоде, на погоне капиталистов за барышами. Английские капиталисты не потому вкладывали свои капиталы в России, что хотели добра русскому народу, а потому, что на эксплоатации русских рабочих и крестьян можно было выжать больше прибылей. Мировые связи, построенные на погоне за барышами,—непрочные связи. Из-за той же погони за барышами, как мы видели, капиталистические государства разорвали эти связи и начали войну.

Но все-таки мир, связанный воедино, хотя бы и по-капиталистически, на основе добычи барышей, все же лучше, чем мир, разодранный

на части, когда каждое государство живет только своей жизнью, без сношений с другими странами. Мы помним, как капиталисты хотели задушить Советскую землю блокадой, как они отрезали нас от всего мира и не пропускали к нам никаких иноземных товаров. Все крестьяне и рабочие помнят тяжесть этой блокады.

Совершенно ясно, что путь к установлению не только вечного, но хотя бы прочного мира идет через усиление хозяйственных и культурных связей между народами. Восстановлены ли эти связи теперь, после шести лет с конца войны? Нет, не только не восстановлены, но капиталисты Франции, Англии и Америки и их правительства все делали для того, чтобы мешать восстановлению этих связей. Почему? Да все из-за тех же капиталистических прибылей.

Война на полях битв была закончена, но она продолжалась уже в другом виде, уже между самими странами-победительницами. Между ними началась так называемая таможенная война. Она заключается в том, что государство старается не пустить к себе иностранных товаров и для этого облагает эти товары высокой таможенной (пограничной) пошлиной. Таможенная пошлина делает иностранные товары настолько дорогими, что их никто не может покупать.

Таможенную войну начали Соединенные Штаты Северной Америки. За время войны американское производство товаров необычайно выросло. Америка была главным поставщиком товаров для союзников (Франции и Англии). Новые фабрики и заводы росли здесь за время войны,

как грибы, орошенные дождем, только не небесным, а золотым.

Когда война кончилась, остались большие запасы заготовленного товара.

То же самое происходило и в Европе. Здесь тоже под золотым дождем выростали заводы и фабрики. О военных прибылях капиталистов рассказывает бывший французский министр Кайо: одна английская фабрика в 1912 году получила 10 миллионов рублей прибыли, а в 1916 году, в разгар войны, 160 миллионов рублей! в 1917 году—210 миллионов. Один из французских чугунно-литейных заводов в 1913 г. дал прибыли 2 миллиона рублей, а в 1916 г. 7 миллионов. Так же росли прибыли всех капиталистов—вот почему они и ратовали за войну до полной победы.

Когда война кончилась, сбыт товаров сразу резко сократился, товары было некуда девать. Заводы и фабрики стали закрываться, но и для оставшихся не хватало покупателей. Особенно в сбыте нуждалась Европа—ведь она за время войны массу золота передала Америке. Теперь, после войны, она хотела посылать свои товары на американский рынок. Но в Америке было своих товаров вдоволь и американское правительство постановило доступ европейским товарам в Америку закрыть. Оно сделало это путем чрезмерно высокого обложения этих товаров пошлинами. Европейские товары стали дорогими, и их никто не мог купить.

Вслед за Америкой то же проделала и Франция: она закрыла доступ к себе дешевых товаров английских и германских. Англия, всегда

отстаивавшая свободную торговлю, ответила тем же: она закрыла к себе доступ некоторых французских товаров. А когда французская буржуазия стала жаловаться на высокие английские пошлины, первый английский министр Болдуин ответил: «Вы у своей лавки поставили бульдога, и смеете жаловаться на то, что мы на своей кухне посадили кошку!».

Таким образом, разрыв мировых связей, созданный войной, с концом войны не прекратился, а еще усилился. Америка совсем не хотела иметь дело с обнищавшей Европой, которая не хотела да и не могла платить ей долги за военные поставки. (Франция ей должна около 6 миллиардов рублей, Англия—свыше 8 миллиардов). Советскую Россию союзники не хотели признавать, а побежденную Германию грабили. При таких условиях о восстановлении мирового хозяйства нечего было и думать.

Но без восстановления мировых связей и собственное хозяйство нельзя восстановить. Франция еще спасалась тем, что сбывала свою военную заваль в Польшу, Румынию и Чехо-Словакию, которых подчинила своему влиянию, но за отпускаемые товары ничего не получала — они шли в кредит, в долг, а расплачивался за это кредитование французский крестьянин, уплачивая правительству все возраставшие налоги.

Англия попыталась найти рынок в своих колониях. Но за время войны такие колонии, как Американская Канада и Австралия, даже Индия, пооткрывали свои фабрики и заводы и в английских товарах нуждались мало. В результате в Англии закрылось много промышленных пред-

приятий и создалась огромная, около полутора миллионов человек, армия безработных рабочих.

Весной 1922 года Ллойд-Джордж, бывший тогда первым английским министром, пытался на Генуэзской международной конференции восстановить утерянные мировые связи и найти путь к возрождению хозяйства Европы. На эту конференцию была приглашена и Советская Республика.

Но из планов Ллойд-Джорджа ничего не вышло, потому что планы эти он составлял без хозяев.

Он рассчитывал к европейским делам привлечь Америку. Между прочим он хотел, чтобы Америка похерила долги Европы, а Франция и Англия за это должны были уменьшить поборы с Германии.

От Советской России он хотел, чтобы она, по наружности оставаясь страной рабоче-крестьянской, вернула бы капиталистам в собственность фабрики, заводы и рудники.

Америка отказалась не только похерить долги, но и быть на конференции, а Советская делегация только посмеялась над ловким английским министром и в свою очередь предложила всем капиталистическим державам разоружиться — тогда и за возрождение хозяйства можно взяться с успехом. Планы Ллойд-Джорджа рухнули. Сам Ллойд-Джордж вскоре вынужден был уйти в отставку.

Как мы видели в предыдущей главе, французское правительство Пуанкаре пыталось поправить свои дела захватом Рурской области Германии. Этот захват, закончившийся было побе-

дой Пуанкаре и полной сдачей немецкой буржуазии на милость победителя, неожиданно обернулся против Франции. На поддержание рурского захвата не хватило средств, долги Франции выросли, налоги повысились до крайней степени и франк полетел вниз. В европейские дела решила вмешаться Америка. Под ее давлением была создана комиссия, выработавшая план восстановления Германии и выколачивания с нее репараций, так называемая «комиссия экспертов» (сведующих лиц).

Что заставляет Америку в настоящее время обратиться лицом к Европе? До весны 1924 года американский капитал жил собственным внутренним рынком, этого рынка ему хватало. Но наступило время, когда ему в пределах своей страны стало тесно. Почти половина всего мирового золота скопилась в Америке. Капиталы некуда применять, новые фабрики и заводы открывать нельзя—и так американский рынок насыщен до отказа. Американская промышленность начала даже сокращаться: сократилось на целых 15% производство металлов, сократилась автомобильная промышленность. А всего хуже приходится американскому сельскому хозяйству: хлеб в избытке, его продавать некуда, цены на хлеб сильно упали, и масса американских сельских хозяев—фермеров разорились до тла.

Вот почему Америка готова «смилостивиться» над Европой и... по дешевке купить ее, начиная с Германии. Англия и Франция, в свою очередь, вынуждены принять вмешательство Америки, ибо без него, без американского капитала, они с европейским хозяйственным развалом ничего по-

делать не могут. В середине июля 1924 г. в Лондоне собралась англо-французская конференция (совещание) для того, чтобы обсудить план, выработанный комиссией экспертов. Как Ллойд-Джордж своим планом на Генуэзской конференции думал найти путь к восстановлению мировых хозяйственных связей, так и план комиссии экспертов служит для той же цели. В основном этот план сводится к тому, чтобы снабдить Германию займом для восстановления хозяйства и для уплаты репараций. А для обеспечения этого займа и уплаты репарций союзники берут под свой контроль все доходы от таможенных пошлин и налогов на вино, табак, пиво и сахар. Эти доходы должны давать не ниже 1 миллиарда 250 миллионов золотых марок в год (625 миллионов рублей). Следить за поступлением доходов будет иностранный комиссар. Железные дороги должны перейти в руки частного общества, управлять ими будет комитет, наполовину состоящий из немцев, наполовину из иностранцев. Иностранный комиссар будет наблюдать и за доходами железных дорог, при чем, если доход окажется ниже требуемого, комиссар имеет право повысить железнодорожные цены за провоз товаров и за проезд людей.

Свою руку иностранцы накладывают и на немецкую промышленность—от нее они хотят иметь ценных бумаг на два с половиной миллиарда золотых рублей. Это значит, и здесь они будут полными распорядителями.

Комиссия экспертов настаивает на повышении налогов до «крайних пределов платежеспособности населения» Германии. При чем она

оказывает предпочтение косвенным налогам, т.-е. тем, которые падают главной своей тяжестью на плечи широких рабоче-крестьянских масс.

Таков в основании план «восстановления» германского хозяйства. Мы в праве были сказать, что Германия этим планом превращается в колонию белых рабов.

И тем не менее Франция недовольна этим планом. Ведь ее заставляют очистить Рур, ведь она лишается права одной грабить Германию. А кроме всего, она, как огня, боится выздоровления Германии, которая, в свою очередь, оправившись, может найти удобный момент и разгромить Францию. Но об этом мы скажем ниже.

Однако, несмотря на все свое нежелание, Франция вынуждена была пойти на Лондонскую конференцию. Она вынуждена будет и принять тот план, который хочет провести Америка и который поддерживает Англия. Для Франции, разоренной, несмотря на победу, отягощенной долгами, другого выхода нет.

На Лондонской конференции не участвуют представители американского правительства, но американские банкиры приехали в Лондон «отдохнуть». И вот эти-то «отдыхающие» банкиры являются на деле хозяевами конференции, ибо деньги в их кармане.

Французская печать со скрежетом зубовным пишет о том, что «американские банкиры хотят захватить власть над всем миром». И эта печать права. Обессиленная капиталистическая Европа не может обойтись без помощи американского капитала, а капитал даром не помогает.

План Америки рассчитан на постепенное восстановление хозяйства Европы и улучшение мировых связей. Он сулит некоторый успех. Но может и сорваться, как сорвался план Ллойд-Джорджа, ибо и он рассчитан без хозяина.

План построен в расчете на отчаянную эксплоатацию трудящихся Германии: и налоги, и железнодорожные доходы, и доходы промышленности—все это предположено как результат беспощадного гнета на немецкий рабочий класс. Так это и расценила Германская Коммунистическая Партия, которая одна объявила решительную борьбу против осуществления плана экспертов. В какой степени рабочий класс Германии позволит из себя выжимать последние соки—это покажет недалекое будущее. Но несомненно, что ухудшение жизни немецких рабочих отразится ухудшением жизни и рабочих Англии и Франции. Это поведет к обострению рабочей борьбы против капитала, к усилению революционного движения в Европе, которое может разнести в клочья план комиссии экспертов.

* * *

План комиссии экспертов свидетельствует о том, что капиталисты всех стран прилагают последние усилия к тому, чтобы выйти из хозяйственного тупика, в котором сейчас находится капиталистический мир. Этим планом они надеются положить начало восстановлению разорванных связей мирового хозяйства. Допустим, что, несмотря на явный грабительский характер этого плана, он удастся. Допустим, что рабочий класс Германии и других стран не в силах бу-

дет сопротивляться грабителям. Означает ли это, что капиталистический мир вступит в полосу длительного и прочного мира? Нет и тысячу раз нет.

Те причины, которые породили империалистическую войну 1914-18 г.г., эти причины в наше время действуют еще сильнее, противоречивых интересов между капиталистическими государствами накопилось больше, чем было до войны. Государства всего мира, за исключением Союза Советских Социалистических Республик, остались империалистическими государствами: они не могут жить без расширения рынков, без захвата новых рынков, т.-е. без того, что неизбежно ведет к столкновению, к войне.

Уже то состояние таможенной войны, которое мы описали выше и которое продолжается и до сих пор—оно таит в себе опасность вооруженной войны. Пока капиталисты боятся начать эту войну, боятся трудовых масс, боятся неминуемого взрыва революции и стараются пойти на взаимные уступки. Но надолго ли хватит этой уступчивости? Противоречия их с каждым днем растут и усиливаются, сплетаются все в новые и новые узлы. Отметим некоторые из этих узлов.

Первый — Европа. Здесь явно скрещиваются противоречивые стремления двух держав-«союзниц»: Франции и Англии. Мы уже видели, как они сталкиваются на вопросе ограбления Германии. Но противоречия между ними глубже, идут дальше вопроса о германских репарациях. Каждая из них стремится стать господином и повелителем Европы. До сих пор успех был на

стороне Франции. Она сумела из мелких государств Европы создать себе вассалов (подчиненных). Под ее рукой находится, снабженная французскими деньгами, французским оружием, французским офицерьем панская Польша—этот пес, вскормленный французской биржей. Она держит его готовым броситься и на Советский Союз и на Германию. Под ее влиянием — боярская Румыния, также снабженная французскими деньгами и оружием—второй цепной пес. Затем Чехо-Словакия и Юго-Славия. Таким образом, Франция сумела окружить плотным кольцом сраженные в войне—Германию, Австрию и Венгрию. Франция вытеснила из Европы Англию. Французская буржуазия отнюдь не собирается ограничиться этим окружением. В своих намерениях она идет дальше: она хочет во что бы то ни стало раздробить Германию и во всяком случае отхватить себе от Германии Рейнскую область. Недавно об этом с полной ясностью в парижской газете «Матэн» (Утро) писал французский генерал Манжен:

«До той поры, пока не будет образована Рейнская Республика (под такой вывеской Франция хочет овладеть этой областью.—*И. Ф.*),—задача безопасности наших границ является неразрешенной... Пока Рейнская область будет находится во власти немцев, последние никогда не откажутся от мысли отплатить Франции за свое поражение. Наоборот, если Рейнская область будет отнята у Германии, Пруссия потеряет все те фабрики и заводы, которые снабжали ее во время войны вооружением».

Вот, о чем мечтает французский генерал и французская буржуазия. Образование «Рейнской Республики» — это значит образование новой французской колонии, это значит переход богатейшей и важнейшей промышленности в руки Франции, а вместе с тем и громадное усиление французского капитала. Конечно, на такое усиление Франции и в промышленном и в военном отношениях Англия пойти не может.

Кстати отметим, что и в Африке, где германские колонии были поделены между Англией и Францией, англо-французские интересы сейчас сталкиваются во многих местах.

Почему Англия до сих пор так уступчива по отношению к Франции? Почему она дала так усилиться последней? Да потому, что в военном отношении она слабее Франции. Ее воздушный флот меньше французского. В английской палате лордов (она сохранилась и при «рабочем правительстве» «социалиста» Макдональда) один из лордов выступил с такой речью:

«Если Франция пожелает, она может в одно прекрасное утро, хотя бы завтра, без предостережения разрушить Лондон и все английские промышленные центры... Где та опасность, которая делает для Франции обязательным быть в 8 раз сильнее нас в воздухе?.. Против кого направлены эти вооружения?...»

Ни один из лордов, конечно, не сомневается, что французские вооружения направлены, прежде всего, против Англии. Также не сомневается английская буржуазия, что и пушки, которые

сейчас изготовляются и опробованы Францией, с дальнобойностью свыше 70 верст, приготовлены тоже для английской столицы. Раньше Англию защищало ее островное положение. Теперь для военных нападений Англия перестала быть островом.

Горючего материала для англо-французской военной схватки накоплено более, чем достаточно. А можно ли после опыта минувшей войны сомневаться в том, что, если вспыхнет англо-французская война, то в нее неизбежно втянутся и другие государства, и эта война превратится в новую мировую бойню?

Другой узел обостренных отношений Европы завязан на Балканах. Здесь с захватными планами выступает Италия. Она хочет проникнуть и подчинить своему влиянию Балканы. Здесь она сталкивается с интересами Юго-Славии, а через эту последнюю и с Францией. Мы не знаем, существует ли сейчас тайный союз Англии и Италии против третьей «союзницы», но несомненно, что в последнее время итальянская политика сходится с английской и острием направлена против Франции.

Третий узел, который может быть разрублен войной, это—вопрос о господстве на Тихом (Великом) океане и на китайском рынке. Здесь резко сталкиваются интересы Соединенных Штатов Северной Америки с интересами Японии. После землетрясения, в Японии в сентябре 1923 года, японо-американская вражда как будто ослабела. Япония, ослабленная землетрясением, вынуждена умерить свои империалистические аппетиты. Но японское смирение не может быть

продолжительным. Землетрясение не остановило японских вооружений. Без китайского рынка японская промышленность жить не может, она хочет здесь преобладания. Но и Америка в этом рынке также чрезвычайно заинтересована. Япония, кроме, того, крайне нуждается в возможностях переселения,— острова для японцев стали слишком тесны. До не давнего времени японцы переселялись в Америку. Американское правительство запретило это переселение и своим запрещением вызвало взрыв возмущения в Японии. Японо-американское столкновение отсрачивается не первый раз, но к нему неуклонно готовятся и Америка и Япония.

Мы, как и в перечислении причин минувшей мировой войны, далеко не исчерпали всего горючего материала, который может вспыхнуть пожаром новых войн. Этого материала очень много, больше, чем перед войной 1914 года.

Вместо обещанной «последней войны», вместо «вечного мира», народы имеют сейчас перед собой угрозы новых неизбежных и неизмеримо более страшных войн, чем прошлая. Когда вспыхнет новый пожар войны, мы не знаем, но к нему надо быть готовым в любое время. Тов. Ленин писал:

«....Война может возникнуть ежедневно из-за спора Англии и Франции относительно какой нибудь-части договора с Турцией, или между Америкой и Японией из-за пустякового разногласия по любому тихо-океанскому вопросу, или между любыми крупными державами из-за колониальных споров,

или из-за споров об их таможенной политике, или вообще торговой политике и т. д.»

К новым войнам усиленно начали готовиться на другой же день после Версальского мира все капиталистические державы, кроме побежденных, вооружение которых точно ограничено победителями. Продолжают готовиться и теперь. Таким образом, военные тяготы не только не ослабли, как это обещали депутаты, министры, президенты и социал-предатели, а растут и увеличиваются.

Правда, в конце 1921 года и в начале 1922 года в Вашингтоне (Америке) заседала мировая (без участия Советской России и Германии) конференция, созванная для обсуждения вопроса о сокращении вооружений; она была созвана в момент, когда обострение японо-американской вражды дошло до крайности и грозило взрывом войны. В буржуазной печати об этой «мирной» конференции вначале был большой шум, на нее возлагались надежды, что она всерьез положит начало разоружению государств. Конечно, ничего подобного не случилось. Было выработано лишь соглашение, по которому сокращалось количество перволинейных, больших судов военных флотов. Это соглашение целиком клонилось в пользу Америки и в ущерб Японии. Дело в том, что Панамский канал, соединяющий Тихий и Атлантический океаны, не приспособлен к пропуску больших судов. И если главная боевая сила флотов состояла из больших судов, то Америка оказалась бы в серьезном затруднении; она не мо-

гла бы свой атлантический флот быстро через Панамский канал перебросить в Тихий океан и оказалась бы здесь слабее Японии. Дальше этого соглашения конференция не пошла. Попытка ограничить строительство подводного флота, на чем настаивала Англия, наткнулась на решительное несогласие Франции и кончилась ничем.

Вашингтонская конференция отсрочила японо-американское соглашение, но не устранила его. На другой день, после конференции, Япония и Америка с новым рвением принялись за вооружение: только вместо перволинейных морских гигантов они начали строить быстроходные крейсера, которых запрещение конференции не коснулось.

Расходы на вооружение после мировой войны не только не сократились, но, наоборот, во много раз возросли. Вот что говорят цифры о росте вооружений трех главных капиталистических держав.

Израсходовано на вооружение в золотых рублях:

	В 1913—14 г.	в 1921 г.
Соединенные Штаты	632.000.000	11.845.000.000
Англия	284.160.000	1.647.500.000
Франция	366.700.000	1.980.800.000

Значит, Америка затратила на вооружение в 1921 г. в 19 раз более, чем в год накануне войны, Англия—в 6 раз и Франция—в 5 слишком раз. Вот как «сокращались» народам военные тяготы.

Накануне мировой войны постоянные армии в Европе насчитывали около 3 миллионов

800 тысяч человек. После войны армии Германии и Франции сократились на 700 тысяч, а Европа в 1923 году имела под ружьем те же 3 миллиона 700 тысяч. Таким образом, мы имеем увеличение даже по сравнению с 1914 годом на 600 тысяч человек.

Но в наше время главную роль играет не столько численность армий, сколько их техническое оборудование: воздушные суда, артиллерия, газы, подводные лодки.

К концу 1923 года Франция имела самый сильный военный воздушный флот, состоявший из 1.350 боевых самолетов. Англия к этому времени успела выстроить 600 самолетов, Соединенные Штаты—столько же, Италия—250 самолетов, Япония—250.

Кроме военных судов идет стремительное строительство гражданских воздушных судов, которые в военное время легко могут быть приспособлены к военным надобностям.

Как усилились разрывные снаряды, об этом говорят американские опыты с разрушением морских кораблей: бомбами страшной силы не надо попадать в самый корабль; попадая прямо в море около корабля, они создают страшной силы ураган, который топит большие суда.

И, наконец, химия, это—самое чудовищное оружие борьбы, от которого почти нет спасения. Отравление газами, газовые атаки стали применяться и получили широкое развитие еще в минувшей войне. Первая атака была произведена германцами 22 апреля 1915 года. Вот как о ней доносил маршал Френч, главнокомандующий английской армией:

«После усиленной бомбардировки, противник атаковал французскую дивизию, впервые применив удушающие газы. Вначале была замечена густая пелена желтого дыма, выпущенная из германских окопов. То, что за тем последовало, не поддается никакому описанию. Действие этих ядовитых газов было таково, что вся линия, занятая французами, оказалась неспособной ни к каким действиям... Сотни людей были внезапно погружены в сонливое состояние, очутившись в смертельной опасности...»

Но это была лишь первая, можно сказать, «детская» игрушка по сравнению с тем, что творилось в последующие годы войны, и особенно с тем, что может быть в грядущих войнах.

Один американский военный специалист (Берней) сообщает следующее:

«Можно представить,—говорит он,—принимая во внимание технические усовершенствования, что большинство городов и местностей Соединенных Штатов будут уничтожены через три дня после объявления войны. Существует специальный газ, настолько сильный, что он уничтожает всякого, кто его вдохнет. Животные падали мгновенно, не успев пошевельнуться. Таким образом, человек будет сражен, не успев одеть противогазовую маску».

Французский институт доктора Пастера в настоящее время специально занят тем, что изыскивает бациллы, которыми можно начинять бомбы для отравления больших городов, сел и деревень. Бомбы уже начиняются холерными бациллами; эта заразная болезнь будет страшным оружием грядущей войны.

Кроме усиления артиллерии, воздушных и морских флотов, изобретения смертоносных газов, идут деятельные поиски и других способов истребления и разрушения. Так, изобретена особая ракета, названная «ракетой смерти», которая при взрыве дает дождь расплавленного металла и на шесть верст в окружности уничтожает все живое; производятся опыты над «лучами», которые могут взрывать на расстоянии и останавливать движение аэропланов в воздухе.

Работа над военными изобретениями производится в глубочайшей тайне и многое в этой области еще далеко неизвестно, не доходит до широкой гласности. Но и того, что мы знаем, достаточно, чтобы сказать: никогда еще не было столь усиленной и разнообразной подготовки к уничтожению мира и человечества, как сейчас, после Версальского и других «мирных» договоров. Псы империализма, раз сорвавшись с цепи, не хотят успокоиться, пока, в своих грабительских целях, не разрушат мир до конца или пока не будут уничтожены сами.

Капиталистический мир треплет лихорадка вооружений. А вместе с тем как грибы после дождя, растут буржуазные общества «борьбы за мир». Это буржуазное движение носит название пацифизма. Оно было и накануне мировой войны. Но как только наступила война, эти буржуазные «борцы за мир» пацифисты, стали ярыми сторонниками войны.

Конечно, никакой действительной борьбы за мир пацифисты не ведут: они занимаются лишь

словесной болтовней, называемой ими проповедью мира. Почему же все-таки буржуазия одной рукой вооружаясь, другой надевает маску борьбы за мир? Часть средней буржуазии действительно боится войны, опасаясь, главным образом, того, что война может вызвать рабочую революцию, а рабочая революция покончит с их богатством и беспечальным житьем. Но, как мы говорили выше, буржуазия поддерживает пацифизм, болтовню о мире, еще и потому что надеется этой болтовней закрыть глаза массам на действительную опасность войны, застать войной массы врасплох. И, наконец, основывая свои общества «борьбы за мир», буржуазия надеется отвлечь часть масс от той борьбы, которую ведут за мир по-настоящему коммунистические партии, т.-е. от революции.

В деле такого надувательства и отвлечения масс от коммунизма, буржуазия в особенности может рассчитывать на социал-демократические партии. Эти последние, после войны, простили одна другой измену рабочему классу и снова сошлись во II Интернационале. В отличие от коммунистического, Красного Интернационала, этот II Интернационал социал-предателей можно назвать желтым, т.-е. международным обществом измены и предательства.

И вот, прожженные прохвосты социал-предательства снова устраивают международные съезды и обещают:... «бороться против войны»... На недавнем съезде в Вене они заявили, что призовут в случае войны рабочие массы к всеобщей забастовке. Как видите, на словах, они как будто грозят буржуазии. Но кто может по-

верить, что эти негодяи, уже раз, в мировой войне, предавшие рабочий класс, не предадут его снова?

Ведь накануне мировой войны они также обещали и клялись всеми средствами бороться против войны... Мы видели, с какой легкостью они забыли свои постановления и клятвы и призывали рабочих в окопы. А после войны? Где они были и кому служили после войны? И после войны они продолжали и продолжают служить буржуазии. Возьмите немецких социал-демократов. Во время войны они были социалистами Вильгельма II. Германская революция свергла императора—они стали верными слугами буржуазии. Они служили ей в качестве министров, они дали буржуазии из своих рядов президента (социал-демократ Эберт). Они душили каждое восстание рабочих против буржуазии, они разоружили рабочий класс и дали возможность вооружиться черным бандам помещиков и буржуазии—фашистам. Они срывали даже забастовки рабочих, а сейчас одобряют план «комиссии экспертов», который по рукам и ногам связывает немецких рабочих и связанных бросает их к ногам международного капитала. И вот эти социалисты обещают «бороться против войны»!

Английские социалисты? Они сейчас у власти, их вождь Макдональд, он же один из вождей II Интернационала, сейчас объявляется первым министром Англии, главой «рабочего правительства». Разве он прекратил вооружение английского капитала? Крейсера и подводные лодки продолжают строиться также, как строи-

лись и при обычном буржуазном правительстве. Макдональд также поддерживает господство Англии в колониях, как оно поддерживалось и до него. Макдональд является самым деятельным сторонником грабительского плана комиссии экспертов. Он обсуждает его вместе с французскими министрами и американскими банкирами. Как же Макдональд и все эти социалисты будут «бороться против войны»?

Французские социалисты? Они только что поддерживали черносотенного первого министра Франции, Пуанкаре, которого прозвали Пуанкаре-война, в захвате Рура французскими войсками. Они всеми мерами стоят за то, чтобы Германия была ограблена до конца. И они обещают «бороться против войны»!

Конечно, только дурачье может принять всерьез их обещания. Не борьбу против войны они готовят на деле—на деле они подготовляют войну вместе с империалистами.

Единственные партии в мире ведут действительную борьбу с войной—это коммунистические, ленинские партии всего мира. Они указывают народам единственный верный путь раз навсегда покончить с войнами, этот путь: ниспровержение власти капитала. Надо вырвать самый корень, который порождает войны, надо уничтожить империализм. Средство борьбы с войнами — социальная рабочая революция. В июле этого года закончился международный съезд Коммунистического Интернационала в Москве. Этот съезд по поводу войны, угрожающей

от империалистов народам,—выпустил 5-го июля особый манифест.

Вот что говорит манифест о мерах борьбы против войны:

«Борьбу против военщины нельзя откладывать до того часа, когда война разразится, ибо тогда будет поздно. Борьбу против войны нужно вести теперь же, немедленно, изо дня в день. Первое условие такой борьбы отказать капиталистическому государствву в бюджете, в доверии, в поддержке. Тот социалист, который вступает в буржуазное министерство, тот депутат, который помогает буржуазии взимать налоги или привлекать рабочих и крестьян на военную службу,—предатель и изменник. Ему не может быть места в рядах рабочего класса... Нужно очистить пролетарские организации от изменников.

«Нужно напомнить всем трудящимся мужчинам и женщинам о том, как была подготовлена последняя война, и как социал-демократы помогали генералам империализма четыре года истреблять рабочих и крестьян.

«Нужно неутомимо обращаться к молодежи города и деревни. Нужно, чтобы нечеловеческие страдания отцов и старших братьев во время империалистической войны превратились у рабочей и крестьянской молодежи в жгучую ненависть к виновникам войны.

«Нужно, чтобы молодежь входила в капиталистические армии с внутренней готовностью направить оружие не против братьев-пролетариев, а против классового врага—буржуазии.

«Нужно неутомимо разрушать ту искусственную стену, которая возводится между армией и рабочим классом.

«Нужно поддерживать связь с казармой. Нужно, чтобы слова правды доходили до каждого солдата. Нужно объединять сознательных солдат в небольшие группы.

«Нужно создать революционные организации на железных дорогах из наиболее преданных и мужественных рабочих борцов.

«Нужно обратить особое внимание на военные заводы. На каждом из них должны быть крепкие боевые ячейки, способные в решительный момент повести за собой всю рабочую массу.

«Буржуазия не боится ни мирных проповедей, ни социал-демократических угроз всеобщей забастовкой. Зато буржуазия трепещет от ненависти и страха при вести о каждой мелкой тайной ячейке на железных дорогах, на военных заводах и особенно в армии и флоте.

«Буржуазия знает, что не одни рабочие и крестьяне, но и солдаты не хотят войны, и что только их разобщенность и неуверенность в себе вынуждает их итти покорно на бойню. Буржуазия знает, что небольшое, крепкое ядро в каждом полку может сыграть решающую роль в решающий момент. Вот почему всякое капиталистическое правительство беспощадно преследует подлинно революционную работу, и вот почему долгом каждого революционера является удвоить и удесятерить свои усилия на этом пути.

«Только та партия действительно борется против войны, которая изо дня в день ведет непримиримую борьбу против буржуазии, та партия, которая сплачивает трудящихся в этой борьбе, которая учит ненавидеть государство капитала, которая закаляет массы этой ненавистью, которая готовит для борьбы необходимые силы для революции, опорные пункты в казарме.

«Такою руководящей силой является коммунистическая партия каждой страны. Боевой союз этих партий составляет Коммунистический Интернационал.

«Мы, делегаты этого Интернационала, собравшись в пятый раз на свой мировой конгресс в Москве, освобожденной усилиями рабочих и крестьян, обращаемся к Вам, трудящиеся всего мира, с этим нашим словом напоминания, предостережения и призыва.

«Победить можно, только желая победы и веря в победу. Победить можно, лишь сплотившись вокруг партии, которая хочет и может вести к победе!..

«... Надо убрать с пути социал-демократию, надо опрокинуть буржуазию, надо взять в свои руки власть, надо объединить европейское хозяйство, надо направить его на путь социализма... Овладев властью, рабочий класс объединит государства в Рабоче-Крестьянские Соединенные Штаты Европы...

«Только с этого времени человечество получит возможность мыслить и действовать по че-

ловечески, мировое хозяйство будет организовано на началах согласия и разума, мировые связи превратятся в братский обмен материальными и духовными благами между отдельными народами. Войны отойдут в прошлое, ибо для них не будет более причин.

«Армии исчезнут вместе с войнами.

«Все усилия людей будут направлены на обогащение нашей планеты, на улучшение и украшение человеческой жизни».

«Такова задача Коммунистического Интернационала, — грандиозная, но осуществимая. Путь ее осуществления указан Марксом и Лениным. Это путь суровой борьбы в каждой стране против своей буржуазии, это путь согласования борьбы пролетариата разных стран во имя захвата власти и установления диктатуры пролетариата.

«Кто говорит, что есть другие пути — тот лжет вам. Коммунистический Интернационал служит делу пролетариата тем, что говорит ему правду. Пусть эта правда звучит повсюду, как набатный колокол революционной борьбы!

«Против войны, против буржуазии, против социал-предателей, — за всемирную революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм!!»

Десять лет прошло с тех пор, как прогремел первый выстрел мировой войны. Трудящиеся всех стран пережили ужасы незабываемых страданий. Надо, чтоб эти жертвы и страдания, яркая память о них, толкнули с удесятеренной силой трудовые массы против поджигателей войн. В десятую годовщину грабительской бойни по

всему миру пронесется братский призыв к объединению, к борьбе трудящихся против войн. Этот призыв равносилен призыву к восстанию, к ниспровержению власти капитала, к социальной революции.

Пусть он будет грозным набатом, предвестником гибели старого подлого мира грабежа, смерти и угнетения народов. Пусть он будет провозвестником Нового мира, братского союза человечества, обновленного через восстание угнетенных и порабощенных.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. Помни день первого августа 1914 года! 3
II. Как началась война. 8
III. Причины пожара мировой войны 12
IV. Как социалисты предали трудящихся 23
V. Большевики и война 35
VI. Конец мировой войны. Версальский мирный договор . . . 60
VII. Мир перед новыми войнами 70

Ц. 24 к.

1924